

Кирилл Арнаутов

Мой выбор

vita military est

Кирилл Арнаутов

Мой выбор. *vita military est*

«Издательские решения»

Арнаутов К.

Мой выбор. *vita military est* / К. Арнаутов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968187-4

Книга рассказывает об одном из самых массовых молодежных течений девяностых и двухтысячных. Жестокость, которая присуща им, заставляет содрогнуться каждого...

ISBN 978-5-44-968187-4

© Арнаутов К.
© Издательские решения

Содержание

Vita militare est	6
Я узнал, что у меня	7
ГЛАВА I	8
«Я ПОМНЮ»	8
ГЛАВА II	29
«УБЬЮ, КОГДА БУДУ ГОТОВ...»	29
ГЛАВА III	46
«СУДЬБА НЕПРЕКЛОННА»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мой выбор vita military est

Кирилл Арнаут

© Кирилл Арнаут, 2019

ISBN 978-5-4496-8187-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Vita militare est

Пресвятая Троица, прости нас,
Господи, очисти грехи наши,
Владыка, прости беззакония наши,
Святой, посети и исцели немощи наши,
Имени твоего ради,
Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй,
Слава Отцу и Сыну и Святому Духу,
И ныне, и присно, и во веки веков.

Аминь

Знаете, в этой книге, вы найдете то, что скрыто от ваших глаз. То, о чем не говорится вслух, а лишь передается шепотом от одного человека к другому, постепенно обрстая все новыми и новыми подробностями, превращаясь в подобие мифа. Во многом, эти истории, рассказанные с леденящими кровью подробностями, не имеют ничего общего с жизнью. С той жизнью, молодых людей, именующих себя «скинхедами», «националистами». Кто-то называет их фашистами, «отморозками». Кто-то использует более крепкие слова, для этого. Но, ни те, ни другие, никогда не знают всей правды. Они лишь говорят то, что вкладывается в их головы, зачастую не имея своего мнения. Что же, это мнение, пусть и навязанное, личное дело каждого. Я не убеждаю вас в чем-то, а только пытаюсь показать вам этот мир, рассказать о жизни этих людей, потому что о ней, я знаю не понаслышке. Вы взглянете на все это моими глазами, увидите то, что увидел я, переживете то, что пережил я, испытаете то, что довелось испытать мне. Кому-то покажется, что описываемая мною жизнь, не реальна из-за своей жестокости, что всего этого не может быть. А я скажу вам – снимите шоры с глаз и вы увидите, что этот мир, в действительности намного жестче, чем вы думаете. Не бегите от правды, рано или поздно, она настигнет вас и собьет с ног, не дав понять, что происходит.

Я выбрал этот путь, и никто не вправе обвинить меня в чем-то, говорить, что я не прав, потому что это мой выбор...

Теперь уже слишком поздно, что-то менять, ничего не поделаешь, нужно идти вперед, оглядываясь назад, лишь для того, чтобы помнить о своих ошибках и впредь их не совершать. Единственное, что я могу сделать в данный момент, это поблагодарить Господа Бога, за то, что остался жив...

Я узнал, что у меня

*есть огромная семья,
И тропинка, и лесок,
в поле каждый колосок,
Речка, небо голубое,
это все мое, родное,
Это Родина моя...*

детское стихотворение

ГЛАВА I

«Я ПОМНЮ»

Солнце чуть выглянуло из-за горизонта, показав свой край, а затем медленно, словно нехотя, начало подниматься дальше. Начинало светать, но вокруг еще стояла тишина, мягкая, влажная, словно окутывающая изнутри. Ощущение спокойствия и умиротворенности.

Антон вышел на балкон и огляделся. Все в округе еще спали, даже воробьи, сидевшие нахохлившись, под крышей, угрюмо молчали и не шевелились. Все словно вымерло и не подавало признаков жизни. Но вот солнце, поднявшись над горизонтом, начало согревать землю и вместе с поступившим теплом, начала просыпаться жизнь. Вот сорвались и полетели воробьи, где-то далеко, словно боясь, что опоздал с побудкой, торопливо прокричал петух.

Взглянув вглубь квартиры, Антон посмотрел на стену, где висели часы. Большие, сделанные под старину, они, медленно покачивая маятником, показывали половину шестого утра. Ночь пролетела быстро и незаметно, хотя Антон не сомкнул глаз. Всю ночь он пытался собраться с мыслями и принять решение. Уже под утро на него, не с того, не с сего, нахлынули воспоминания. Он стал вспоминать, свое знакомство с парнями, которые стали частью его жизни.

С Романом, Антон познакомился в институте, на первом курсе. Первые дни, после того, как закончились вступительные экзамены, и студенты разделились на две группы – поступившие и провалившиеся, Антон обратил внимание на мрачного, замкнутого молодого человека. Но не столько необщительность удивила Антона, сколько внешний вид Романа. Наголо бритый, плотного телосложения, рост под метр девяносто. Стоило присмотреться к нему более внимательно, и нетрудно было догадаться, как он проводит все свое свободное время. Сбитые кулаки, шрамы на руках, небольшие порезы на лице, говорили о том, он, человек жесткий и не дающий спуска даже в мелочах, не прочь влезть в драку и принять в ней активное участие. Именно эти отметины, плюс спортивное телосложение, заставляли хорошо подумать, прежде чем с ним, хотя бы просто заговорить. Поэтому, Роман в группе был отшельником, с ним никто не контактировал, и его просто напросто обходили стороной. Да Роман и сам не шел на контакт, игнорировал встречи одногруппников, не участвовал в мероприятиях проводимых деканатом и институтом. Учился он хорошо, но кроме как на учебных парах, его больше никто, нигде не видел.

Как-то опаздывая на учебу, Антон, запыхавшись, вбежал в аудиторию. Преподаватель кивком головы, разрешила войти и сесть. Обычно Антон сидел почти в самом конце аудитории, где его не было видно и слышно, и в случае чего, можно было поспать. Но в этот раз, места на задних рядах были заняты другими любителями сна и Антон сел, за первую попавшуюся парту. Сняв сумку с плеча, он поставил ее под стол и глубоко вздохнул, пытаясь восстановить дыхание. Преподаватель рассказывал о правилах сдачи экзамена, который был уже совсем скоро. Антону было это не интересно, он слышал это уже много раз и поэтому в суть монолога преподавателя вникать не стал. Он огляделся и только сейчас понял, что сидит рядом с тем самым молодым человеком – Романом. Тот сидел и рисовал что-то в тетради.

– Здорово! – сказал Антон и смутился. Ведь он никогда до этого момента, с Романом не то, что не разговаривал, даже не здоровался.

Роман повернул голову, мрачно посмотрел на Антона, которому стало не по себе, от его взгляда. Сердце екнуло, а внутри все похолодело.

– Ну, здорово. – Роман отвернулся и продолжил рисовать, совершенно не обращая внимания на соседа по парте. Антон облегченно вздохнул, поняв, что опасаться нечего.

– Как дела? – зачем он это сказал, Антон сам понять не мог. «Кто меня за язык тянет? – Подумал Антон. – Нужен он мне как – будто. Мне же нет никакого дела до того, как у него дела».

Роман оторвался от тетради, повернул голову и посмотрел на Антона, как на умалишенного. Усмехнувшись, он отвернулся, так ничего и, не ответил.

– Можешь не говорить, и так видно, что хорошо. – Антон проклинал себя и свой язык, который в настоящий момент, мог довести его не только до Киева, но и до ближайшего травм-пункта.

Медленно положив ручку, Роман посмотрел перед собой, туда, где перед доской вышагивал преподаватель. Антон с интересом смотрел на него. Сейчас ему в действительности захотелось понять, что собой представляет этот человек. Было в нем, что-то такое, что притягивало, не смотря на его мрачный и угрюмый вид.

– Тебе поговорить больше не с кем? – спросил Роман, не поворачивая головы.

– Есть. – Антон барабанил пальцами по столу, подперев другой рукой голову. – Ты разговаривать не хочешь? Ты вообще ни с кем не разговариваешь, вечно сам по себе. О тебе даже никто ничего не знает, ты никому не рассказываешь.

Роман улыбнулся, и было странно видеть улыбку на его лице, она не шла ему. Он повернулся всем корпусом к Антону, продолжая улыбаться.

– Вот скажи мне, – Роман наклонился чуть вперед, как перед броском, – я всем должен ходить и докладывать о том, кто я и чем занимаюсь? Во-первых, это никому не нужно, даже ты, поинтересовавшись как у меня дела, спросил это только потому, что больше нечего было сказать. Ну, или на худой конец, из элементарной вежливости, если таковая у тебя присутствует, в чем я лично, сомневаюсь. Культурный, вежливый человек, не станет навязывать общение, если видит, что разговаривать с ним не хотят. Во-вторых, даже если тебе действительно интересно, как у меня дела, то с чего ты взял, что я начну тебе что-то рассказывать? Ты мне кто? Брат? Сват? Я тебя знать не знаю, ты даже заговорил со мной впервые. Вы все возомнили о себе, что вы не такие как все, лучше других, новое поколение... – При этом, он брезгливо сморщился, словно сказал что-то действительно неприятное. – И если человек, не хочет проводить с вами свое свободное время, не хочет идти на контакт, это не значит, что он не такой как вы. Просто ему нет до вас никакого дела...

Сказав это, Роман резко развернулся, оборвав разговор. Взяв ручку, он принялся снова рисовать в тетради. «Что это с ним? Психованный что ли? – Подумал Антон. – И, правда, чего я к нему лезу?». Но любопытство, взяло верх над ним, он осторожно заглянул через плечо Роману, пытаясь понять, что тот рисует. Антон увидел исписанные листы и в начале, даже не мог понять, что нарисовано и написано на них, с такой частотой они были исписаны. Наклонив голову чуть набок, он смог разобрать некоторые надписи и рисунки. Странные символы и закорючки, похожие на те, что в древности рисовали на домашней утвари. Из всех рисунков, Антону была знакома лишь свастика, о которой рассказывали еще в школе. Большинство символов были похожи друг на друга и имели лишь, небольшие различия. Каждый символ, дополнялся одной или несколькими надписями, в основном расистского содержания. Для чего Роман рисовал и писал это все в тетради, и какое отношение он имел ко всему этому, оставалось лишь догадываться.

Когда прозвучал звонок, извещающий об окончании пары, все сидящие в аудитории, разом зашумели, повскакивали с мест и плотным потоком, пихая друг друга, двинулись к выходу. Роман встал и медленно, неспеша, начал собирать учебники в сумку. Антон, также неспеша, словно копируя движения, складывал тетради в рюкзак, продолжая поглядывать на странного одноклассника. Теперь для Антона, он вообще стал загадочной личностью.

– Слушай, может я, чего-то не понимаю или может я тебе не понятно объяснил? – Роман, сложив учебники в сумку, смотрел на Антона. Теперь, когда он стоял рядом, он напоминал сво-

ими размерами, небольшую скалу. Антон посмотрел на Романа, оценивая, что он сможет сделать, если ситуация повернется не в лучшую сторону. Надежд на благоприятный исход в случае драки, практически не было.

– Да я так, просто, – Антон замялся, пытаясь подобрать слова. – Чем ты занимаешься?

– В данный момент, общаюсь с тобой, но как – то не очень у тебя получается диалог поддерживать. – Роман улыбнулся и снова, эта улыбка, вызвала у Антона холодок под сердцем. – Тебе интересно что-то? Так ты возьми или может, боишься чего-то?

Антон подумал, стоит ли ему знать все это. Но, в конце концов, решившись и подобрав слова, он выпалил:

– Что у тебя за рисунки такие в тетради?

– Подглядываешь, значит? Ну да ладно, – Роман полез в сумку, достал тетрадь и, положив на стол, открыл ее, – тебя какие-то конкретные интересуют или все?

Антон теперь уже спокойно заглянул в тетрадь. На полях пестрели различные надписи, написанные самыми различными шрифтами. Часть из них можно было прочесть легко – «Власть белым!», «Россия для русских!», готическим стилем было написано по-английски «White Pride World Wide». Чтобы прочесть другие, приходилось вглядываться, прежде чем разобрать, что написано. Ну, а были и такие, разобрать в которых нельзя было при всем желании.

– А тут что написано? – Антон ткнул пальцем в надпись.

– «Власть белым, на всей земле», вот это «Белая сила», – Роман показал на надпись «White power».

Антон еще какое-то время разглядывал надписи, затем спросил:

– А рисунки? Что это за символы?

Роман внимательно посмотрел на Антона, пытаясь понять, действительно ли тот заинтересовался или опять пытается навязаться, от того, что ему нечего делать. Видимо так и не решив, он спросил напрямую:

– Тебе действительно все это интересно?

Антон кивнул в ответ. Он не знал почему, но его заинтересовало увиденное и хотелось, узнать об этом больше.

– Ну, раз действительно интересно, могу рассказать тебе об этом.

– Давай. – Антон с готовностью сел на скамью, приготовившись слушать.

Роман громко засмеялся, от чего Антон вздрогнул.

– Ты прямо здесь собрался разговаривать? На пару не пойдешь?

Антон огляделся. Аудитория была пуста, все уже давным-давно вышли в коридор, откуда доносился шум, крики и прочие звуки, по совокупности которых, можно было подумать, что в коридоре, как минимум, происходит взятие крепости, как максимум, наступает конец света.

– Пойдем на английский, там и поговорим. – Роман подхватил свою сумку и направился к выходу из аудитории. Антон, схватив рюкзак, поспешил за ним. Они вышли в коридор, и сразу же попали в живой водоворот из студентов, которые неслись в самых различных направлениях. Те из них, кто никуда не спешил, расположились кто как. На подоконниках, у стен, на лестничных пролетах, все они оживленно беседовали, кто-то весело беззаботно, кто-то с серьезным видом, видимо переживая за приближающиеся экзамены и несданные задолженности по предметам.

Роман шел впереди и подобно ледоколу, врезался в людской поток, раскалывая его на две части, которые обтекали его и уже дальше, за спиной, соединившись вновь, неслись дальше. Антон шел за Романом, стараясь идти, как можно ближе к нему, чтобы не быть сбитым с ног.

Так они добрались до аудитории английского языка. Роман дернул ручку двери на себя, распахнул ее и вошел. Антон бодрым шагом, не отставая, вошел вслед за ним. В аудитории

уже сидела их группа, которая по своему обыкновению в преддверии пары, в спешном порядке делала домашнее задание, списывая друг у друга.

Роман и Антон прошли в самый конец аудитории и сели за последнюю парту. Роман достал из сумки учебник английского языка, положил его на стол. Затем достал тетрадь и кинул ее на середину стола. Сунув сумку под стол, он тяжело плюхнулся на сидение, Антон поспешил сесть рядом.

– Давай с самого начала, – Роман взял в руки тетрадь, – тебя интересуют конкретно символы или все, что связано с этим?

– Расскажи все, что знаешь об этом, с самого начала, – Антон достал из рюкзака учебники и тетради, положил их на стол, создавая видимость старательной учебы. – Тем более мне это интересно.

Ну, если с самого начала... – Роман задумался, видимо соображая с чего начать. – Ты знаешь, что мы живем в России, мы русские и прежде всего мы живем на нашей, русской земле. Земле наших предков, земле на которой проливали кровь наши деды. Но сейчас, то время, когда многим нет до этого никакого дела, к нам приезжают инородцы, черные, желтые, всех цветов радуги, которые сеют здесь хаос и разруху, пытаются разрушить наше единство и элементарно, поработить наш народ. Те, кто спокойно смотрит на то, как его народ, его нацию унижают, автоматически переходят на сторону противника, по крайней мере, для нас.

– Для вас? – Антон недоуменно уставился на Романа. – Вы, это какая—то организация?

– Мы не организация, – покачал головой Роман, – мы не объединение. Мы те, кому не безразлична наша судьба и судьба наших детей. Единственное, что нас объединяет, это идея единой русской нации, без примесей, вырожденцев и прочих недочеловеков.

– Подожди, подожди, – Антон прервал Романа, – кажется, я слышал о чем-то таком. Вы называете себя скинхедами?

– Нас называют скинхедами, – Роман сжал кулаки, – кто-то фашистами, но лично я предпочитаю, называть себя националистом. От слова нация.

Пара пролетела незаметно. Антон узнал для себя много нового, то, о чем раньше не подозревал, то, что видел, но не замечал. Роман рассказал, о некоторых акциях проведенных им и его друзьями.

– Может, слышал, года полтора назад, возле ресторана «Баку», чурок избивали?

Антон припомнил, что действительно, полтора года назад, все газеты и телевизионные каналы города, гудели о массовом избиении приезжих. СМИ преподносили информацию, не стесняясь откровенно врать, да так, что никто не хотел верить всему тому, что доносилось с газетных листов и экранов телевизора. Тем вечером, писали они, четверо представителей армянской диаспоры, ужинали в ресторане «Баку», расположенном, на окраине города. Их трапеза закончилась, около десяти часов вечера, они расплатились, оделись и направились к выходу. Выйдя из ресторана, они закурили и начали спускаться с крыльца, намереваясь направиться в сторону стоянки, к своим машинам. Не успели они сделать и пары шагов, как были сбиты с ног, группой молодых людей, в черных масках. Как потом писали газеты, молодые люди, словно выросли из под земли. Все они были вооружены бейсбольными битами, обрезками арматуры, цепями. Численность достигала двадцати человек, все спортивного телосложения, высокие, в военных ботинках, камуфляжных штанах и черных куртках. Но уже через неделю, эти же газеты, писали: «...все они были вооружены огнестрельным оружием, пистолетами и автоматами. Численность около пятидесяти человек, все огромного роста». Страшно было подумать, что бы произошло, если бы газетчиков не остановили правоохранительные органы. По всей вероятности, уже через месяц такой писанины, все молодчики принимавшие участие в избиении, вооружились бы на страницах газет и телеэкранах, зенитно-ракетными комплексами и заградительными установками. Численность перевалила бы за несколько сотен, а рост достигал бы трех метров.

Но от Романа, Антон узнал, что же на самом деле, произошло в тот вечер. В том злополучном ресторане «Баку», работала официанткой, девушка, которая волей случая, оказалась знакома с Романом. Это знакомство и сыграло главную роль, в том, что произошло. Девушка обслуживала столик, за которым сидели армяне. Никаких замечаний и нареканий в ее адрес, не было. Работала профессионально, подавая пример остальным девушкам, работавшим вместе с ней. И вот, принеся очередное блюдо и поставив его на стол, она повернулась, чтобы отойти, как вдруг почувствовала шлепок по ягодицам. Она развернулась и залепила щечину, сидящему за ее спиной. Армянин, не ожидавший такого, схватил ее за руку и ударил в живот. Притянув ее к себе, он зло прошептал ей, что будет делать с ней все, что он захочет и она будет не против, потому что он здесь хозяин. После этого, он оттолкнул ее и рассмеялся. Девушка разрыдалась и побежала в комнату охраны. Но там ей сказали, что данные посетители, являются VIP-клиентами и могут делать все, что им заблагорассудится. Поняв, что помочь ей не кому, она закрылась в раздевалке, уселась на лавочку и плакала. Ей хотелось, чтобы хоть кто-то ее защитил и она, сама не зная почему, набрала номер Романа. Тот, узнав, что случилось, только спросил, в ресторане ли она еще. Получив утвердительный ответ, он сказал ей, чтобы она не двигалась с места и ждала, после чего, повесил трубку. Она просидела в раздевалке минут сорок, казалось, время замерло. Из зала, где сидели посетители, доносились веселые крики и звон посуды. Но потом, она услышала шум, все засуетились, веселый тон голосов, сменился на тревожный. Осторожно выйдя из своего укрытия, девушка увидела, что сотрудники ресторана и некоторые посетители, спешат на улицу. Выйдя вместе со всеми на крыльцо, ее взору предстала ужасающая картина. Те самые армяне, что еще час назад, наглым взглядом осматривали ее и пытались потрогать, теперь лежали на тротуаре, перед ступеньками, в луже крови. Лица можно было узнать только с большим трудом, выбитые зубы, переломанные носы, проломленные головы. Грязь и кровь, смешались, в одну кашу, которой была заляпана их одежда и неприкрытые участки тела. Все они не подавали признаков жизни, да и не возникало никаких сомнений в том, что они были мертвы, слишком ужасающими были раны, нанесенные им. Собравшийся вокруг народ молчал, наблюдая этот пир смерти, казалось эту тишину, ничто не нарушит, но вот вдалеке послышался вой сирены. Это спешили вызванные кем-то из посетителей, машины «скорой помощи» и «милиции».

После все этого, в городе поднялась шумиха, все только и делали, что обсуждали это убийство. Кто-то говорил, что убивать людей, чтобы они не сделали – это бесчеловечно и жестоко, кто-то говорил, что если по-другому не получается, то почему и не наказать таким образом, чтобы другим неповадно было. Но и те, и другие сходились в одном – приезжие действительно ведут себя крайне нагло.

Но какой бы резонанс и бурные обсуждения это не вызвало, у правоохранительных органов дело с мертвой точки так и не сдвинулось. Попытка найти свидетелей, обернулась в пустую. Допрашивая официантку, у которой произошел конфликт с убитыми, милиция так ничего и не добила. Дело в том, что она была так шокирована происшедшим, что забыла практически все и на вопрос – «Вы говорили кому либо, кроме охраны, что у вас произошел конфликт с данными посетителями?», отрицательно качала головой. Она действительно не помнила, что звонила кому-то.

Прошла неделя, а милиция все не могла определиться с мотивом преступления. Прорабатывались версии и о конкурентах, и о личной неприязни, пока одному из оперативников, не пришла мысль в голову, досконально проверить, ту самую официантку из ресторана. Проверили круг ее знакомых и запросили распечатку звонков с ее мобильного телефона. Вот тут то, и всплыло, что она звонила некоему Роману, своему знакомому. Пробив кто это такой, люди в погонах были удивлены, как они раньше не додумались до всего этого. Роман проходил в их базе данных, как один из активных участников националистического движения, проще говоря – скинхед. Мало того, являлся лидером группы молодых людей, разделяющих

его взгляды. Попытавшись доказать причастность Романа и его друзей, к этому делу, правоохранительные органы натолкнулись на глухую, непробиваемую стену. Прошло достаточно времени, чтобы все они подготовились к допросам. Воспользовавшись самым простым алиби, они твердили, что были на природе и подтверждали присутствие друг друга. Как милиция не старалась, но у нее ничего не получалось. Ни угрозы, ни уговоры, ни обман, ничто не возымело действия. И правоохранительные органы сдались. Но нужно было куда-то девать четыре трупа, и после непродолжительных поисков, были найдены трое бомжей, на которых и повесили убийство. Их быстро осудили, а дело убрали подальше, надеясь, что шумиха утихнет. И действительно, через месяц, уже никто и не помнил о произошедшем.

Но это был лишь первый бой, который милиция проиграла. И сдаваться просто так, она не собиралась. Над городом, как в преддверии бури, повисло напряжение. Ожидалась война, сметающая все на своем пути и не оставляющая проигравшего в живых... Жестокая, кровопролитная, беспощадная...

&

Когда стрелки часов показали восемь часов вечера, Антон вошел в центральный парк, где Роман назначил ему встречу. Он пообещал познакомить его со своими друзьями, и теперь Антон, с легкой тревогой шел на встречу. Раньше он никогда не видел скинхедов, Роман первый, кого он увидел. И вот теперь ему придется нос к носу столкнуться с целой группой, таких как Роман. Еще разговаривая в институте на паре, Антон сказал, что хочет вступить в их организацию, на что Роман рассмеялся, сказав, что у них не политическая ячейка, заявлений писать не надо. Но за смехом, Антон заметил, что глаза Романа остались серьезными.

И вот теперь, шагая по центральной аллее парка, Антон думал о том, что в действительности ли он поступает правильно, и каждый раз убеждал себя, что да, правильно. Он будет бороться с оккупацией его земли, бороться с приезжими, в конце концов, говоря простым русским языком, будет чистить свою землю.

В парке, практически никого не было, редкие прохожие, задержавшиеся в парке, старались как можно быстрее покинуть это неосвященное и всеми забытое место. Издали, Антон увидел группу парней, все как на подбор, лысые, в черных куртках, в высоких военных ботинках. Вот только штаны на них были разные, на ком – то были одеты камуфляжные штаны, заправленные в ботинки, кто – то был одет в джинсы, подкатанные снизу.

Их было шесть человек, чуть поодаль, стоял Роман, разговаривающий по телефону. Увидев Антона, он помахал ему рукой, закончил разговор и пошел ему на встречу.

– Ну, здорово еще раз, – Роман протянул руку, и Антон пожал ее, – пришел, значит, не передумал?

– Не передумал, меня действительно волнует все это, и я хочу действовать с вами.

– Ну, раз не передумал, и хочешь вместе с нами бороться за чистоту нации, то добро пожаловать! Пойдем, я познакомлю тебя с остальными. Запомни, никаких разговоров, о дружбе народов и прочей дряни, здесь такого не любят. Мигом наживешь себе врагов.

– Ну что я маленький что ли, не понимаю кто вы такие? После того, что ты мне рассказал, о какой дружбе народов может идти речь?

– Хорошо, что понимаешь и хорошо, что не маленький, здесь все серьезно, никаких игр, это жизнь. Если встал на этот путь, то обратной дороги не будет.

Они подошли к парням, разговоры между ними утихли и их взгляды устремились на Антона. В их глазах читалось любопытство, смешанное с настороженностью. Никто из них, не проронил ни слова.

– Вот, знакомьтесь, – Роман хлопнул Антона по плечу, – зовут Антон, учится в институте, со мной в одной группе. С недавних пор, разделяет наши взгляды на жизнь и заинтересован помогать нам по мере сил. Правильно? – это вопрос был адресован Антону.

Тот судорожно кивнул, все, никак не привыкнув к тому, что оказался в центре внимания, да еще и в такой компании.

– Ага, вначале проявил интерес к тому, что мы делаем, а потом – ваша фамилия гражданин? – голос принадлежал парню, на вид лет двадцати, небольшого роста и крепкого телосложения. Казалось этим, он компенсировал все, что не дала ему природа. Как и все, здесь присутствующие, он был наголо стрижен, одет в камуфляжные штаны, черную футболку с надписью «Мы – русские!», куртку он держал в руках. При разговоре, он постоянно морщился, словно ему было неприятно общаться с человеком.

– Бизон, захлопни рот. – Роман глянул на него. – Ты со своей манией преследования, сам с ума сойдешь и всех вокруг погубишь. Ты вообще на что намекаешь?

– Я ни на что не намекаю, я тебе прямым текстом заявляю, легавый он, сто процентов. У меня нюх, на этих легавых.

Все засмеялись, поддержав шутку Бизона. Было видно невооруженным взглядом, что в компании он пользуется авторитетом и довольно весомым.

– Ты сам понял, что сказал? – В голосе Романа послышались металлические нотки. – Ты человека даже не знаешь...

– Подожди Рома, – Антон подошел вплотную к Бизону, – а тебя не учили, что к людям нужно относиться вежливо? Или отсутствие мозга, не позволяет тебе запоминать то, что тебе говорят?

Стоящие вокруг парни, загудели в предвкушении драки, но Антон не собирался драться с Бизоном.

– Чего? – взревел Бизон, – ты сопля вообще испуг потерял или жить надоело? Так я тебе сейчас башку проломлю, и все нормально будет.

Антон усмехнулся и хотя, ситуация обострялась, он не собирался давать слабину, чтобы в дальнейшем подобное не повторялось. Но и делать нужно было все с умом, довести Бизона до бешенства в данной ситуации, было легче легкого, а вот сделать так, чтобы дело не закончилось дракой, и выйти победителем из этого, было сложнее. Но именно так и нужно было поступить...

– У тебя все проблемы решаются физической силой? Если ты не можешь ответить человеку с умом, то не нужно говорить, что ты проломишь ему голову. Ты лучше помолчи, глядишь и за умного примут.

Глаза Бизона налились кровью, казалось он вот – вот бросится на Антона, но тут в их разговор вмешался Роман.

– Бизон, ты достал своей подозрительностью. Тебе что-то не нравится? Можешь топать отсюда, тебя никто не держит.

– Ты не прав, я пытаюсь тебе объяснить, что приводить людей со стороны, непроверенных, это, по крайней мере, глупо. И уйти, я никуда не уйду. Здесь мои друзья и с ними я останусь.

– А кто тебе сказал, что я его не знаю? – Роман вопросительно посмотрел на Бизона. – Мы с ним вместе учимся, в одной группе, нормальный он парень. Да, я его не знаю, как тебя с детского сада, но это еще ничего не значит.

– Хорошо, хорошо, если ты принимаешь его, я тоже не против. – Бизон пожал плечами и собрался отойти в сторону.

– Подожди, – Роман остановил его, – пожмите друг другу руки, чтобы я видел, что конфликт между вами исчерпан.

Бизон недовольно заворчал, но руку протянул. Антон пожал ее и чуть не охнул от боли, было ощущение, что рука попала в стальные тиски. Бизон же стоял и мило улыбался. Наконец Антон высвободил руку из его лап.

– Как тебя хоть зовут малыш? – Бизон все так же продолжал улыбаться, видимо довольный своей шуткой, которой отомстил по возможности за все.

– Не малыш, во-первых, а во-вторых, меня зовут Антон.

– А-а-а, ну не малыш и ладно. Ну, а так, меня зовут Иван, но как ты понял, здесь все меня зовут Бизон. Ну и ты называй меня также, потому, что все к этому привыкли и по другому здесь быть не может.

Вместе с этими словами, Антон почувствовал, как разрядилась атмосфера вокруг, исчезла напряженность, и стало психологически спокойнее. Остальные парни стали подходить, знакомиться. В голове Антона начали мелькать клички и имена. «Не перепутать бы потом, как кого зовут – подумал Антон».

– Здорово, будем знакомы, меня Игорь зовут, это там... – Игорь неопределенно махнул рукой в сторону. – А здесь меня называют Славян.

Игорь всем своим видом, напоминал завсегдатая ночных клубов и светских тусовок. Высокого роста, худощавого телосложения, в отличие от остальных, он не был забрит наголо, светлые волосы, образовывали короткий ежик. Если бы не разбитые кулаки, то Антон подумал бы, что Славян оказался в данной компании совершенно случайно.

Антон пожал протянутую Славяном руку.

– Меня Антон зовут. Он всех так не жалует? – Антон кивнул головой, в сторону Бизона.

– Не обращай внимания. В последнее время, он какой-то раздражительный стал, даже своих в чем-то подозревает. Везде ему милиция мерещится, вот он к новичкам так и относиться. Познакомись с ним поближе, начнешь общаться, увидишь, он нормальный.

Славян отошел в сторону и к Антону подошли остальные.

– Значит, с нами хочешь быть? – спросил у Антона, один из парней. И не дождавшись ответа, продолжил, – Я Денис, кличка Фил, а это Кил, – он показал рукой на одного из парней, – родители назвали его Сергей, но он также как и все, наверно уже забыл свое настоящее имя. Мы с ним братья, я старший, он соответственно младший. – Они действительно были очень похожи, только Кил был поменьше ростом и волосы у него были чуть светлей, чем у Фила. Кроме того, у Фила под правым глазом был вертикальный шрам, сантиметра три-четыре в длину. Но не только это отличало друг от друга. Даже сейчас, не зная их обоих, Антон видел, что характерами они, полные противоположности. Если у Фила было серьезное выражение лица, то Кил в отличие от него постоянно улыбался.

– А вы давно... – Антон пытался подобрать слова.

– Давно ли в движении? – Фил пожал плечами. – Я так-то не считал, но года три уже точно.

– Понятно. – Антон огляделся по сторонам. – И частенько вы тут собираетесь?

– По-разному. Каждый раз, стараемся в разных местах собираться, чтобы не мозолить никому глаза, не привлекать внимание. Мало ли, милиция нагрянет и начнется... Так-то проблем они нам не доставляют, но в местном отделении посидеть придется. Ну ладно, ты знакомься со всеми пока, потом пообщаемся еще.

Фил отошел в сторону и о чем-то начал разговор с Романом. По его выражению лица, можно было понять, что говорят они о нем. Антону даже показалось, что Фил произнес его имя. В это время, Антона окликнули:

– Здорово, – сказавший это парень, был небольшого роста, темноволосый, со сплюснутым, как у боксера носом. – Меня Михаил зовут, Миша, или Михей, как называют здесь.

Михей и вправду оказался боксером, имел звание мастера спорта, выступал на соревнованиях и на многих оказывался призером. В движении находился три года. Познакомился

с Романом, который тогда еще только собирал парней – единомышленников, следил за физической подготовкой каждого, был за здоровый образ жизни и терпеть не мог, даже разговоров про курение и спиртное, не говоря уже о наркотиках.

– Я заметил, – сказал Антон, – тут у каждого есть кличка. Для чего это? Неужели нельзя называть друг друга по имени?

– Можно, от чего же нельзя? Но так нужно, если устраивается какая-то акция, то лучше называть друг друга так, потому что свидетели потом могут, показать, что вот, парни называли себя так и так. Не нужно лишний раз засвечиваться. Но подожди, – Михей рассмеялся, – тебе тоже дадут кличку, будешь как все.

В этот момент, к ним подошел парень, светловолосый, высокий. Антон обратил внимание, что на левой руке у него, не было двух пальцев, мизинца и безымянного. Звали его Александр и если не забывать, то, что все здесь друг друга называли по кличкам, он откликнулся на Гранда. Голос у него был тихий и спокойный, и приходилось напрягать слух, чтобы слышать все, что он говорит.

– Извини, что спрашиваю, – Антон показал на его искаленную руку, – где тебя так? В драке?

– Нет, – рассмеялся Гранд, – все гораздо проще. Мастерил взрывчатку, вот и переборщил немного. Хорошо хоть голову не оторвало, а только пальцы.

– Когда дерешься, неудобно наверно?

– Да у него правая, будь здоров, – вмешался в разговор Кил, – быка с ног, то есть с копыт свалит. Левая ему вообще без надобности. Да и вообще, не смотри на него, что он такой тихий, спокойный, если что-то начнется, ты его не узнаешь, миг меняется и ломает всё и всех в округе.

Кил рассмеялся над собственной фразой.

– Иди отсюда, а то на людей наговариваешь тут, – Гранд посмотрел на Кила, – я тебя и пальцем не трону, а вот брату скажу, он тебя мигом успокоит.

Кил молча, выслушал Гранда и, не говоря ни слова, развернулся и отошел в сторону.

– С ним поаккуратней будь, – предупредил Гранд, кивнув в сторону Кила, – у него по моему с головой не в порядке. Никто не может с ним совладать, только Фил, его брат имеет на него какое-то влияние.

Подошел Роман, и какое-то время, послушав о чем говорят Гранд и Антон, отозвал последнего в сторону. Все с кем успел Антон познакомиться, опять собрались вместе, словно притянутые магнитом. «Хорошая привычка, держаться вместе, – подумал Антон, – вот оно, единство».

Они с Романом не спеша, пошли по аллее, кое-где освещавшейся тусклым светом фонарей. Роман молчал и только когда они отошли от остальных достаточно далеко, он заговорил.

– Ну, Антоха, я понимаю, ты толком не успел пообщаться с народом, но все равно, кое-что для себя, ты успел заметить. А ко всему этому, я могу добавить только одно: парни объединены одной идеей, одной целью, к которой они идут. Сейчас, если вдруг потребуются отдать за идею свою жизнь, каждый из них, не задумываясь пойдет на это... И если ты решил все-таки быть с нами в одном строю, то идти придется до конца. Ты должен это понимать, прежде чем дашь мне окончательный ответ, с нами ты или нет.

– Рома, ты рассказал мне то, чего я не видел или не хотел видеть. Я понял, насколько был слеп, не видел всего этого. Ты открыл мне глаза на истину, на все, что твориться. И я, несмотря на то, что прошло мало времени, твердо решил для себя, что теперь не смогу жить так, как раньше. Я с вами...

Роман остановился, посмотрел на Антона, затем кивнул и они, развернувшись, так же не спеша, пошли обратно.

– Молодец, – похвалил Роман, – видно, что в тебе есть дух и решительность. Я очень редко встречаю таких людей, хотелось бы почаще.

– Извини, что тебя перебиваю, но если ты можешь, расскажи мне побольше о движении. Интересно все-таки, как оно, например, образовалось.

Образовалось? – усмехнулся Роман. – Ну, общее, поверхностное, ты уже знаешь, а само движение... – Роман на миг задумался. – Зародилось движение в Америке, в 60-х годах. Но этот период можно даже во внимание не брать, потому, тогда, от истинного движения было только одно название. В России же, начало существования, было положено в 90-е годы. Власть долго закручивала гайки, но, в конце концов, перестаралась. Политика, которую они продвигали, не устраивала многих, в том числе молодежь. Не нравилось отношение к русским людям, к которым относились, как к свиньям. И в тоже время, те черножопые и узкоглазые, которые приезжали к нам в страну, пользовались привилегиями и благами. В конце концов, правительство, перестаралось и русское, молодое поколение, поняв, что их мнение никого не волнует, решили подкреплять свои слова действиями. Молодежь начала собираться в автономные группы и избивать приезжих. Тем более поводы были, терпеть их наглость, не было никаких сил. Зайди на любой рынок, и ты увидишь, то, от чего у любого нормального человека, закипает кровь и просыпается справедливый гнев. Какой-то чурка, с поддельной регистрацией, не имеющий права не то, чтобы торговать, а вообще находится здесь, обвешивает бабушку-пенсионерку, при чем самым бесстыдным образом. Мало того, что обвесит, так еще и обматерит вдобавок, с ухмылкой на лице. Бабушку, у которой пенсия настолько мизерная, что на нее и жить то нельзя, только существовать. Кто за нее заступится? Не бросить же ее, на растерзание этим волкам?

А возьми китайцев, например. Ты мимо идешь, тебе дела нет, ни до него, ни до его товара. А он тянет тебя за рукав, тащит куда-то, пытается что-то показать. Отмахиваешься от него, мол, отстань, некогда, а он начинает возмущаться, кричать тебе что-то, пихает тебя. И ты ничего даже не успеваешь сделать, как в мгновение ока, со всех сторон слетаются толпы китайцев, окружают тебя и уже все хором, начинают что-то орать на своем языке. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что сейчас твоей жизни угрожает опасность. Не надейся, что они успокоятся и разойдутся. Успокоить их может только милиция, которую они справедливо боятся или конечный результат, когда ты, по их мнению, должен быть унижен морально. Ну, а если ты вдруг решил постоять за себя и отразить нападки с их стороны, то в этом случае, хорошо, если тебя просто избыют. А ведь могут и ножом ударить, покалечить, убить, в конце концов. А за что спрашивается? Да за то, в конце концов, что ты ничего не купил у одного из них. Они разбегутся, как тараканы и ищи их потом. Вот ты сможешь из 20—30 китайцев, узнать того, кто тебя ударил? Нет. Пойдешь, заявление писать в милицию, а там тебе популярно объяснят, что подавать заявление, не имеет никакого смысла, все равно никого не найдут. А если ты будешь настаивать на своем, так на тебя накричат, и в итоге виноватым останешься. Хорошо, если не посадят в КПЗ на несколько суток, для исправления.

Вот и молчат люди, терпят весь этот беспредел. Ведут себя как стадо овец, которых можно гонять из угла в угол, а при желании и зарезать на шашлык. Никому до нас, простых людей, нет никакого дела. Власти получают свою прибыль от приезжих и молчат, глядя на все, что твориться, из своих кресел.

– Подожди Ром, – Антон недоуменно взглянул на него, – о какой прибыли ты говоришь? Что они получают? Я сколько раз по телевизору видел, как всех этих нелегалов ловят на подпольных производствах.

Роман усмехнулся, словно услышал глупость, сказанную малолетним ребенком.

– Все очень просто, каждый нелегал, приезжая в нашу страну, работает на каком-нибудь подпольном производстве. Его работодатели, дабы избежать проверок, приплачивают проверяющим из миграционных служб. А по телевизору, тебе показывают тех, кто отказался им пла-

тить. На них то и делаются все эти показательные задержания, а заодно и пугало для остальных, вот мол, смотрите, что будет, если вы откажетесь платить. Показывают, как задерживают, увозят в отделение, а ты видел хоть раз их отправку домой, на родину?

– Нет, но они, же должны...

– Кому они должны? Понимаешь, это все делается для того, чтобы показать тебе, мне, им всем, – Рома показал рукой на парней, стоящих неподалеку, – что они работают, добросовестно отработывают деньги налогоплательщиков. И ты никогда не увидишь, как гастарбайтеров отправляют домой, потому, что они остаются здесь. Их, выкупают, как товар и отправляют работать, правда, уже на другую точку. Если же все-таки, ты хоть краем глаза, где-то увидишь, отправку нелегалов на родину, то задумайся, за чей счет, они летят домой первым классом? За твой, счет. Ты платишь налоги, а значит, билет покупают им на твои деньги, с твоего кармана.

– Хорошо, я понял. Но как быть с теми, кто находится у нас в стране легально?

Роман глубоко вздохнул и Антон понял, что для Романа не имеет значения, легально ли здесь находятся иностранцы или нет. Для него они все были врагами, с которыми он сражается.

– Ты сам-то хоть веришь, в то, что те, кто приезжают сюда легально, ничего плохого не делают? Да от них вреда порой, гораздо больше, чем от тех, кто переходит границу обманом. Потому что одних сразу видно, они скрываются, прячутся от всех, от посторонних глаз, а эти, действуют вполне легально, на виду у всех, прикрываясь каким-нибудь бизнесом. Вот ты, ходишь в ночные клубы?

Антон кивнул, отвечая согласием. А как же, он ходит в ночные клубы, отдыхает, танцует, расслабляется:

– Но в них то, что такого? Народу же нравится ходить в них, отдыхать.

– А теперь вспомни, кто у нас держит все ночные клубы в городе?

И действительно, Антон вспомнил, что всего каких-то полтора года назад, все ночные клубы в городе, выкупил, некто Файзула Алиев. Сам Алиев, появился в городе, за полгода до этого. Быстро развернувшись и встав на ноги, он стремительно стал подминать под себя все более или менее значимые объекты, приносящие прибыль. Таким образом, ночные клубы, как пользующиеся обширным спросом, перешли в его владения.

– Ром, ты извини, конечно, но я пока не понимаю, что в этом плохого? Ну, держит он «ночники», так они сейчас, по-моему, даже лучше стали, чем были. Ремонт сделали, да и в остальном, только плюсы.

Роман рассмеялся.

– Да это все, для отвода глаз. В клубах этих, торгуют наркотой, при чем, вполне открыто, даже не прикрываясь, потому что у них с ментами, все договорено. Девчонки-проститутки, у которых нет документов и которые работают, из-за страха за свою жизнь. Они даже не могут пойти в милицию и пожаловаться. Их вернут обратно, предварительно избив как следует. А все почему? Потому что милиция с ним заодно, Алиев негласный хозяин города и если он вдруг захочет, чтобы тебя не было в этом городе, уже завтра тебя не будет в нем, независимо от твоего желания.

У него вполне легальный бизнес, но для того, чтобы так развернуться, ему бы не хватило честно заработанных денег. Поэтому он и занимается криминалом, который приносит ему немыслимые доходы. На эти деньги, он покупает власть в городе, завозит сюда наркотики, которые тоннами приходят из Афганистана, Таджикистана и оседают здесь, травя молодежь. Ты посмотри, девяносто процентов молодежи, употребляет наркотики. Кто-то легкие, как они считают, кто-то уже прочно сидит на игле, но лично я, не делю наркотики на слабые и тяжелые. Наркотики, они и есть наркотики.

Я сам против наркотиков. – Антон вспомнил, как полгода назад, провожал в последний путь своего друга, сидевшего на игле. Тогда, никто до последнего, не знал, что он употребляет

наркотики. И когда он умер от передозировки, никто не мог поверить в случившееся, все считали его спокойным, даже домашним парнем, который никогда не пил и не курил. – Те, кто торгуют наркотиками, заслуживают самого сурового наказания. Но ты, сейчас делаешь акцент на этнические преступные группировки, но кроме них, есть же еще и русские организованные преступные группировки, смешанные, в конце концов. Как с этим быть?

Роман равнодушно пожал плечами.

– А никто не говорит, что таких мы игнорируем. Они ответят за то, что творят. Наша задача, состоит в том, чтобы не было всего этого. Ни преступлений, ни тех, кто их совершает. Не имеет значения, кто это, русский или узбек. Просто сейчас, мы акцентируем свое внимание, на приезжих. Они находятся у нас в гостях и не имеют права творить здесь все, что хотят. Когда покончим с ними, наступит черед и других.

Все, что говорил Роман, кому-то может быть и показалось бы диким, но в данный момент, Антон понимал, что все сказанное – правда, пусть и страшная, но правда.

– Но избивая приезжих, вы сами становитесь преступниками.

– Мы не преступники, мы солдаты своей страны, кровь которой, заставила нас вести эту войну. Пусть она сейчас и похожа на партизанскую, но скоро, все поймут, что так жить дальше нельзя и начнется полномасштабное сражение за нашу землю. Да, мы используем незаконные методы, но что из этого? Власть бросила нас на произвол судьбы, распродала все в округе, и сидят сейчас, эти зажавшиеся чиновники, в своих креслах, считают деньги, полученные от продажи своего народа и земли, на которой проливали кровь наши деды.

Да, может это и звучало громко, но не в этом было дело. Антон понял, что все, что он делал раньше, это лишь паразитическое существование. И если ему самому не безразлично, его будущее, что будет с ним, с его детьми, то он тоже должен что-то делать. И самое лучшее будет, присоединится к парням. Да, их методы жестоки, даже чересчур, но что делать, если иного выхода нет.

– Вот так мы и живем. – Роман подошел к скамейке и сел. – Увидел черного или желтого, сразу ему в рожу. Пусть знает, что делать ему здесь нечего. И неважно, кто это, бизнесмен или рабочий, бедный или богатый, все они одинаковы.

– Подожди, – перебил его Антон. – А при чем здесь рабочие? Они – то какой вред приносят? Работают себе на стройках, пускай работают.

– Ага, работают. Ты посмотри, сколько они получают.

– Сколько? Много что ли? Насколько я знаю, работают они вообще за копейки. Пускай получают их и работают. Почему русские не идут работать на стройку?

– Ты только что говорил, что работают они за копейки. Ты сам бы стал там работать? А я за тебя отвечу, что нет. Потому что, жить на такую зарплату, нереально, по крайней мере, здесь. А ему, этих денег хватит, чтобы на родину вернуться и свой огромный выводок кормить, а потом еще и вернуться обратно. Почему? Потому что у них в Китае, жить дешево, платят им соответственно с их условиями жизни. У нас же, как они считают, платят баснословные деньги, даже чернорабочим. Но это они со своей колокольни так рассуждают. Для нас же, это гроши, если посмотреть на те условия, в которых мы живем.

– Как же с этим бороться? – Антон ходил вдоль скамейки, туда-сюда. Разговор, все больше и больше поглощал его, заставляя переживать все это.

– Да очень просто. Нужно максимально снизить поток «дешевой» иностранной рабочей силы. Поставив работодателями выбор, или сворачивать производство, или продолжать работать, но уже с русскими, которым они будут платить нормальные деньги. Да, у них уменьшится прибыль, но они не пострадают существенно от этого.

Роман замолчал, выжидательно глядя на Антона.

– Что, еще не передумал? – спросил он.

– Нет. Наоборот, еще больше укрепился во мнении, что все, что вы делаете, правильно.

– Молодец, правильно мыслишь. Пойдем к остальным, сегодня тебе предстоит еще кое-что, – загадочно сказал Роман. Антон не стал спрашивать, что именно, справедливо полагая, что когда придет очередь, он все узнает. Они медленно, неспеша, побрели обратно к парням, которые от безделья, уже не знали чем заняться.

– Слушай, а почему вас называют фашистами? Какое вы к ним отношение имеете? – спросил Антон. – Меня можно сказать только это и смущает. С детства, ненависть к фашистам. У меня дедушка, всю войну прошел, а умер в мирное время, от застрявшей фашистской пули. Пошла гангрена, пока спохватились, было уже поздно. Сердце не выдержало на операционном столе.

– Да кто тебе сказал, что мы фашисты? – искренне возмутился Роман. – Я никогда им не был и не буду.

– Для чего вы тогда используете фашистскую символику? Зачем она вам нужна?

– Эта символика, прежде всего, используется как форма протеста. Это вообще соответствует национально-освободительному движению, особенно на начальных этапах развития. Ты читал «Тилия Уленшпигеля»?

– Читал, но еще в школе, давно. – Сказал Антон, не понимая, куда клонит Роман.

– Так вот, если ты читал, то должен помнить, что были там такие – храбрые гезы, отстаивавшие независимость Нидерландов от испанцев. Так вот, гезы, чтобы позлить испанцев и римский престол, использовали символы, приводившие тогдашних европейцев, в гораздо больший ужас, чем нынешняя фашистская символика. Гезы, носили на шляпах, зеленые полумесяцы и надписи «Лучше служить султану турецкому, чем Папе». Но никаких симпатий к турецкому султану, они не испытывали – им просто хотелось, как можно сильнее задеть ненавистного противника.

Ту же роль, играют и пресловутые свастики: поскольку считается, что для людей, находящихся у власти, этот символ крайне неприятен, русские националисты пытаются задеть своих врагов, в любой мелочи, хотя бы этим. Что-то типа, «Ах, вы называете нас фашистами? Хорошо, для вас мы будем фашистами! Зиг хайль!». Запомни, символы – оружие безоружных.

Да-а-а, – протянул Антон, – как все закручено. Ну, теперь, я хоть смогу объяснить, за что и против кого сражаюсь.

– Сможешь, сможешь, – поддержал его Роман. – Ну вот, в принципе все, что я смог, я тебе рассказал. Если тебя что-то интересует или непонятно, спрашивай, всегда рад. А так, ты уже наверно заметил, когда знакомился, что все здесь, имеют клички, по которым друг друга называют. Это можно сказать мера предосторожности, для того, чтобы случайные свидетели, если таковые вдруг появятся, имен не слышали, а то мало ли...

– Слушай, – перебил его Антон, – я вроде бы всех запомнил – Бизон, Славян, Михей, братья Кил и Фил, а вот тебя как называют?

– Шторм, – коротко, как отрезал, сказал Роман, – так что забывай, как меня зовут и призывай.

– Понял, – улыбнулся Антон, – а как меня вы будете называть?

– Ну, это мы сейчас посмотрим.

Они подошли к скамейке, на которой сидели парни. Те скучали, вяло и лениво, озираясь по сторонам, изредка перекидываясь парой фраз. Увидев, что к ним подошли Шторм и Антон, они заметно оживились.

– Ну что парни, – сказал Шторм, – в нашем полку прибыло и дело осталось за малым.

– Посвящение? – Фил встал со скамейки и подошел к Антону.

– Какое посвящение? Ты ничего такого не говорил. – Антон посмотрел на Шторма.

– Посвящение проходит каждый, решивший идти вместе с нами. Этим самым, мы проверяем тебя и после этого, все присутствующие здесь, будут безоговорочно доверять тебе. Тебе

дадут задание, на небольшую акцию. Посмотрим, как ты с ней справишься, а потом уже определимся, как тебя называть.

– А в чем смысл этой акции? – Антон недоуменно смотрел на присутствующих, пытаясь понять, чего от него хотят.

Вперед вылез Кил и прежде чем кто-то успел что-то сказать, начал объяснять суть акции, в которой придется поучаствовать Антону.

– Антоха, все очень просто, – Кил улыбался во всю ширину своего лица. – Чурку «пресанешь» какого-нибудь, ну а мы со стороны поглядим на тебя. Оценим так сказать, твои боевые качества, посмотрим, что ты из себя представляешь.

Сомнения на миг возникли в голове Антона. Если говорить честно, он не ожидал, что все произойдет так сразу. Это было неожиданно, но, не желая показывать свои сомнения парням, он, соглашаясь, поспешно кивнул головой.

– Что же, давайте ваше задание, поучаствую в акции.

– Нет, ты не понял. Поучаствую, это когда ты на подхвате, помогаешь в чем-нибудь. А тебе придется принять на себя активную роль, то есть начнешь все делать ты, продолжишь и закончишь. Никто тебе помогать не будет и если вдруг попадешься, то это будет целиком твоя вина.

– Ладно ты, не пугай его, – Фил отодвинул Кила за спину, чтобы тот больше не лез в разговор. – Уже ерунды наговорил. Ты не бойся, – обратился он к Антону, – поможем, если что-то не так пойдет.

– Да я и не боюсь, – пожал плечами Антон, – давайте ваше задание.

– Хорошо, – Фил повернулся к остальным, – у кого какие предложения?

Все начали спорить, перебивая друг друга. Каждый хотел что-то сказать. Антон слышал некоторые слова, которые долетали до него, вырванные из предложений. «Рынок», «фирма», «чурки», из всего этого нельзя было понять, что же предстоит Антону.

– Так, заткнулись все. – Крикнул Штурм. – А то устроили тут, базарный день. Смотрю, у всех есть варианты. Только давайте договоримся, без фантастики, все должно быть реальным. А то я тут услышал предложение о погроме на рынке. Вы хоть иногда голову включайте, как он один пойдет на рынок, крушить и ломать все там? Да его на входе, или менты упакуют или чебуреки забьют. Кил, что у тебя?

– Там у входа в парк, сидит «арбузник». Давайте я его из палатки вытяну, а дальше новенький покажет, на что он способен.

Все опять зашумели и на этот раз, из общего гула, можно было разобрать, что одна половина присутствующих, хотела предложить то же самое, а вторая половина, хоть и имела другие предложения, была согласна с первой.

– Штурм, а арбузник, это кто? – Антон посмотрел в сторону выхода из парка. Даже изда-лека, было видно палатку, которая там стояла.

– «Арбузник», это чурка, который торгует овощами в палатке. Да сейчас все сам увидишь.

Штурм смотрел на парней, которые продолжали что-то живо обсуждать, но на этот раз они не спорили, а в разговоре слышался смех.

– Так тишину создали. – Все разом затихли. Штурм продолжил. – Я так понял, что все согласны, да?

– Согласны, а кто не согласен, поддержали. Можно идти. – Килу не терпелось приступить к осуществлению задуманного.

– Если все согласны, тогда слушаем сюда. Кил идет первым, за ним Антон, ну а мы, позади, чуть в стороне. Доходим до выхода, останавливаемся. Кил и Антон, продолжают идти к палатке. Вытягиваешь торговца из палатки, – обратился Штурм к Килу, – и сразу же уходишь.

И в дело вступает Антон, который должен «рихтует» чурку, по полной программе. Мы если что, рядом, поможем, если что-то не так пойдет. Ну всё, выдвигаемся. – Шторм хлопнул в ладоши.

Все дружно двинулись к выходу. Впереди, быстрой походкой шел Кил, за ним Антон. Остальные двигались за Антоном. Когда только вся компания тронулась в путь, Антон обернулся и был удивлен тому, как все действуют четко и слаженно. Они построились по двое и за все время, пока шли, от них не донеслось ни звука.

Антон даже не заметил, как они прошли ворота парка и оказались на улице. Впереди, метрах в двадцати, боком к выходу, стояла палатка. Кил подошел к палатке и о чем-то заговорил с торговцем. Антон подошел и нерешительно встал рядом. В палатке, за столиком, на котором были разложены фрукты, стоял молодой мужчина, по внешнему виду, явно не русский. Определить, к какой из народностей он принадлежал, Антон не мог. Черные волосы, усы, брови, сросшиеся на переносице и ужасный акцент. Скорее всего, это был таджик, представитель одной из торговых национальностей.

– Слышь, черножопый, – Кил уперся руками в бока, широко расставив ноги. – Ты здесь что делаешь?

– Э-э-э, дарагой, зачѐм так говоришь, да? Нѐ выдишь, фрукта продавать.

– Да мне по хрену. – Судя по голосу, Кил начал закипать. – Ты – чурка! И тебе нет места на нашей земле.

– Слюшай, ходи отсюда, нѐ мешай торговля. – Таджик махнул рукой, прогоняя Кила.

– Ну, тварь черная, не понимаешь по-русски. – Неожиданно Кил выбросил две руки вперед, схватил таджика за грудки и резко дернул на себя. Тот, словно кукла, вылетел из-за стола и грохнулся на асфальт. В полете, он задел стол ногами, перевернул его и все фрукты, попадая, покатались по земле. Кил в это время, молча, не говоря ни слова, развернулся и пошел обратно в парк. Антон стоял возле палатки, ошарашенный произошедшим. В это время, таджик, начал подниматься с земли.

– А-а-а, рюский, зарѐжу. Мама, сѐстра убью. – Таджик посмотрел на Антона. – Э-э-э, ты с ним, да? Я и тѐбя сѐчас рѐзать буду, свинья.

Он кинулся в палатку. Под его ногами, зачавкали апельсины. Антона охватил ступор, он не знал, что делать, ситуация развивалась, совсем не так, как он ожидал. В это время, таджик выпрыгнул из палатки, в руке у него, был нож с изогнутым лезвием. «Вот попал, – успел подумать Антон». Таджик кинулся на него. Ситуация, мало того, что развивалась вопреки ожиданиям, так она еще и, сделав крутой поворот, стала смертельно опасной.

– Я тѐбя рѐжу, а ты нѐ кричи ладна?

Антон не слушал, что говорил ему таджик. Он подпустил его поближе, сделал резкий шаг в сторону, перехватил руку с ножом и, выворачивая ее за спину, нанес удар ногой, под колено таджика. Тот как подкошенный, рухнул на одно колено и по инерции, начал заваливаться вперед. Антон чуть толкнул его вперед и тот, не успев подставить вторую руку, упал и ударился лицом об асфальт. Антон забрал из руки таджика нож и бросил его в сторону, затем отпустил руку.

– Шакал ты. Отец твой шакал, дед твой шакал.– Таджик приподнялся над землей и повернул лицо. Нос, губы, были разбиты, левая половина лица, содрана об асфальт. – Сын шакала и проститутки.

У Антона, налились глаза кровью. Он закричал и, замахнувшись, со всех сил, ударил таджика ногой по лицу. Послышался характерный хруст, ломаемого носа. Таджик, не успев подняться с земли, опять рухнул на землю. Антон стоял над ним, а он катался по земле и выл, что есть мочи. Внезапно Антон услышал топот ног и поднял голову, обернувшись на звук. Из парка, бежали те, с кем с этого момента он связал свою жизнь. Первым, к Антону подбежал Фил, потянул его за рукав и, отведя в сторону, повел в сторону парка. Мимо них промчался Кил, следом Бизон и Михай. Идя вслед за Филом, Антон повернул голову и увидел, как

Кил, подбегая к лежавшему таджику, подпрыгнул и двумя ногами, приземлился ему на голову. Голова с глухим, неприятным звуком, ударилась о землю и таджик, перестав стонать, затих. Бизон с Михеем, в это время, подбежав поближе, начали бешено молотили ногами, лежащее на земле тело. Затем Бизон, продолжил бить таджика по ребрам, а Михей, начал наносить удары в голову и они вдвоем с Килом, стали молотить ее как футбольный мяч. От каждого удара, голова, словно у тряпичной куклы, дергалась из стороны в сторону. Под головой у лежащего тела, образовалась лужа крови, лицо было разбито настолько сильно, что представляло собой, одну большую, кровавую маску

Антон как вкопанный, стоял и смотрел на происходящее. То, что таджик останется калеккой, было понятно, но это если выживет, в чем Антон уже сомневаться, глядя с какой чудовищной силой, наносятся удары.

– Пошли быстрее, чего встал? – Фил толкнул Антона в сторону парка, посмотрел на лежащее в крови тело и усмехнулся. – Без тебя закончат с ним.

Они пошли к остальным парням, которые стояли возле входа. Внезапно послышался вой милицейской сирены. Видимо кто-то из жителей близлежащих домов, увидев, как избивают торговца, вызвал милицию. Фил, повернулся к Бизону, Михею и Килу.

– Вы чего, оглохли? Уходим, менты. – Вместе с Антоном, он побежал в парк. Следом за ними, сорвавшись с места, бежали остальные. Вой сирены приближался.

– Короче, по парам, двойками, в разных направлениях, в другой конец парка. – Сказал Шторм, когда они вбежали в ворота. – Уже близко. Сейчас пока очухаются, пока разберутся. Но район оцепят быстро, так что уходим. Через час, встречаемся на набережной, за старым кинотеатром. Ты, – Шторм ткнул в Антона пальцем, – со мной. Всё, пошли.

Тут же, словно ожидая этой команды, на ходу разделившись на двойки, все побежали вглубь парка. Шторм и Антон, побежали по аллее, которая по диагонали пересекала всю территорию и вела в самый дальний и глухой угол парка. Пробежав немного, они свернули с аллеи и побежали в том же направлении, но уже по газону, лавируя между деревьями. Приблизившийся до этого, вой сирены, замер на мгновение, после чего затих.

– Подъехали уже, – на бегу сказал Шторм, – минут пять – десять у нас есть. Потом они по району начнут искать. Нам до этого момента, нужно исчезнуть отсюда.

– Куда мы вообще бежим? – Антон от быстрого бега, начал задыхаться.

– Увидишь. Если все будет так, как я предполагаю, то мы успеем, и нас не поймают.

– А остальные?

– За остальных не беспокойся. Им всем не впервой, уйдут.

Деревья закончились, и они выбежали на небольшую полянку. Сразу за ней, парк заканчивался и возвышался чугунный, декоративный забор, высотой около трех метров. На секунду остановившись и оглянувшись назад, Шторм пересек поляну и, ухватившись за решетку, полез по забору. Антон последовал его примеру. Добравшись до самого верха, они перемахнули на другую сторону и прыгнули на землю.

– Сейчас куда? – Антон присел на корточки, задыхаясь от бега.

– Давай за мной. – Шторм беспокойно огляделся вокруг, затем посмотрев на Антона, покачал головой. – Ничего, привыкнешь и к этому, как к необходимому. Главное, не останавливайся.

Сразу же за парком, находилась небольшая рощица. Шторм побежал и Антон, поднявшись, через силу, побежал за ним. Он уже был готов остановиться и сдать, так как чувствовал, что силы его, на исходе, что он еще чуть-чуть и упадет без сознания. Но впереди бежал Шторм и остановиться сейчас, после всего что произошло, было бы, по крайней мере, глупо. «Почему он может, а я не могу? – Думал Антон. – Чем я хуже него? Давай беги, шевели ногами. – Твердил он себе. – Можешь сдохнуть на ходу, но беги».

Они пробежали рощу, перелезли через небольшой кирпичный забор и оказались во дворе пятиэтажного дома. Здесь они перешли на шаг, чему Антон был несказанно рад, так как в его глазах от нехватки кислорода, уже начинало темнеть, и он приготовился к самому худшему. Спокойно, не привлекая внимания, они прошли мимо детской песочницы, возле которой на лавочке сидели женщины и что-то живо обсуждали. Одна из них мельком взглянула на двух парней и продолжила разговор с подругой.

Шторм и Антон, прошли через двор, и вышли на улицу. Мимо мчались машины, отчаянно сигналив, подрезая и обгоняя друг друга. Прохожие торопились по своим делам, никому не было никакого дела, до них двоих.

– Пошли, тут в квартале отсюда, автобусная остановка. – Шторм быстрым шагом, направился в ту сторону, Антон шел рядом.

– Слушай, а нас потом не найдут? – В голосе Антона послышалась тревога.

– Не ссы, все нормально будет. – Шторм был спокоен и невозмутим. – Никто нас не найдет, это раз. А два, это то, что никто нас искать и не будет. Менты для вида порыщут в округе и забросят это дело. Хотя нет, маловероятно, не захотят они вешать на себя нераскрытое дело. Значит, найдут каких-нибудь забулдыг, повесят на них. У них это частенько практикуется, надо же как-то зарплату отрабатывать.

Антон в задумчивости шел рядом.

– Ром, ой, извини, Шторм...

– Ничего, с непривычки случается. – Перебил его Шторм. – Ты же всю сознательную жизнь, называл друзей по имени, а сейчас приходится по прозвищам. Так что ты хотел спросить?

– Почему так получается, что милиция, не ищет никого? Для чего они нужны тогда?

– Искать-то они ищут, но тоже видят, где, что и кого. Вот, например, приедут они сейчас к той палатке, – Шторм махнул рукой в сторону парка, – увидят чурку избитого. Постоят, репу почешут, для виду полазят по району и все... Думаешь они сами любят всех этих черножопых? Как будто им самим, нравится, к примеру, тот беспредел и оккупация, что устроили здесь узкоглазые? Да менты думают также как и мы. Только у нас руки развязаны, а они что могут сделать?

– Так вы в милицию вообще получается, не попадаете? Зачем тогда убегать? – Недоуменно спросил Антон.

– Слушай, ну ты наивный такой, прямо младенец, мира не выдавший. Если ты не слинешь, тебя и повяжут там же.

– Что-то я ничего не понял, ты же только что сказал...

– Пойми, если тебя там повяжут, то отвечать придется тебе. Может они и думают также как и мы, но галочка для них, прежде всего, потому, что он за это получает зарплату, на которую кормит свою семью. И как ты думаешь, кого он выберет, тебя или свою семью? Вот так-то...

Они подошли к остановке, на которой стояло несколько человек. Через две минуты, к остановке подъехал автобус. Когда двери распахнулись, Шторм и Антон, зашли внутрь и остановились на задней площадке. Шторм огляделся по сторонам, нашел взглядом кондуктора, достал деньги и протянул ей. Забрав два билета, он подошел к окну, Антон встал рядом. В салоне автобуса, кроме них и деда, мирно дремавшего возле водителя, никого не было. Кондуктор прошла вперед и села рядом с дедом, так что никто не мешал им разговаривать.

– Видишь ли, Антон, некоторые менты, нас понимают и всецело поддерживают. Но это не значит, что нужно нагнеть и спокойно прогуливаться там, где только что прошла акция. В основном, поддержку можно искать среди мелких чинов. Из разряда принеси-подай. ППСники, например, без разницы, пеший ли это патруль или на УАЗике они раскатывают. Короче те, кто службу несет на улицах города и своими глазами, видит, что творят эти абреки. Но они,

не имеют никакой власти, чтобы решать что-то. Они лишь могут спустя рукава, заняться твоим поиском или на крайний случай, сквозь пальцы, смотреть, как ты наказываешь приезжих. Но и здесь нужно знать меру. Во всем этом, знаешь, сколько подводных камней? Ничего, постепенно все узнаешь, и будет намного проше.

Автобус, фыркая, остановился и, скрипя, словно нехотя, открыл двери. Шторм и Антон, сошли на тротуар.

– Нам туда. – Показал Шторм, в сторону набережной, где стоял старый кинотеатр. – Пошли, сейчас все уже наверно там. Слушай, а ты ничего не заметил странного, когда чурку бил?

Антон пожал плечами.

– Да нет. А что?

– Ну да, ты же в такой ситуации оказываешься впервые. Я это к чему? Чурка, какой-то обезумевший попался. По идее, он вообще не должен был на тебя кидаться. А тут, с ножом, да еще с такой агрессией. Может обколотый или накуранный?

Антон еще раз пожал плечами, давая понять, что он то, тем более ничего не понимает.

Дойдя до здания кинотеатра, они обошли его, и вышли на набережную. На парапете, сразу за зданием, уже сидели Михей, Гранд, Фил и Славян. Не хватало Бизона и Кила.

Шторм и Антон, подошли к парням.

– Где Кил и Бизон? – Шторм оглядел всех.

– Не знаю, – пожал плечами Фил, – мы сами минут пять назад подошли.

– Хорошо, будем их ждать. У вас все нормально?

– Нормально. – Ответил Славян. – Тихо, мирно ушли. Можно сказать по-английски, не прощаясь.

Все рассмеялись. Антон улыбнулся вместе с остальными.

– Слушай, Шторм, а не могли менты повязать их? – спросил он.

– Ты у меня спрашиваешь? Откуда я могу знать? Ты же вместе со мной был. Они не маленькие, голова на плечах есть, надеюсь, все хорошо будет.

Он замолчал и в этот момент, из-за кинотеатра, на набережную, вышли Бизон и Кил. Весело переговариваясь о чем-то, они время от времени, начинали хохотать.

– Вы где пропадаете? – спросил Шторм, когда они подошли.

Они в один голос начали рассказывать, потом внезапно замолчали, удивленно взглянули друг на друга и расхохотались.

– Эй, больные, вы чего ржете как кони?

– Шторм, по-моему, он отъехал. – Кил улыбался.

– Кто отъехал? Ты про чурку что ли?

– Ну, а про кого еще? Короче, он кеды в угол поставил.

– Ты откуда знаешь? – Лицо Шторма стало серьезным, в голосе послышались металлические нотки. Все, даже Кил перестали улыбаться.

– Мы когда разбежались... – начал, было, Кил, но потом видимо раздумал и пихнул Бизона в бок кулаком. – Давай рассказывай.

Бизон угрюмо глядел на всех и молчал.

– Ну и что? – Взорвался Шторм. – Так и будем молчать и друг на друга все сваливать? Говори!

– Короче, когда все побежали, – Бизон говорил медленно, словно обдумывая каждое слово, – мы с Килом, оббежали парк и потом с другой стороны подошли посмотреть, что будет дальше...

Внезапно, резкий удар в челюсть, сбил Бизона с ног. Он упал на асфальт и с расширенными от ужаса глазами, наблюдал за Штормом, который навис над ним.

– Вы охренели? Вы башкой своей думаете вообще? Или она вам не нужна? Так я вам обоим, снесу их к чертовой матери.

– Да ладно тебе, Шторм, – Кил стоял рядом и переминался с ноги на ногу, – мы же только посмотреть хотели.

В следующую секунду, Кил оказался на асфальте, рядом с Бизоном.

– Посмотрели? У вас у придурков, что, мозги через уши вытекли? – Казалось ярости Шторма, нет предела. – Вас бы менты приняли и что? Всё, приехали?

– Да нормально всё, нас никто не видел, – Кил, сидя на асфальте, потирал ушибленную челюсть. – Правильно говорят, победителей не судят.

– Вас победителей, отмудохать бы хорошенько, чтобы в следующий раз, головой думали, а не жопой. – Шторм начал успокаиваться. – Вот же вроде нормальные парни, а порой смотришь, ну дебилы, дебилами.

Кил, видя перемену настроения Шторма, сам заметно повеселел. Он опять пихнул Бизона в бок, тот угрюмо кивнул в ответ.

– Давайте рассказывайте, что вы там делали. – Шторм присел возле парапета на корточки.

Кил поднялся с земли, помог встать Бизону и продолжил.

– Мы, напротив, за киоском спрятались. Вначале одна машина подъехала, а за ней, буквально сразу же, еще менты понаехали. Прохожие набежали, шум-гам, крики. Вокруг крови море, как в лучших боевиках.

– Это я понял, – прервал его Шторм. – А с чего ты взял, что он отъехал?

Кил рассмеялся, видимо окончательно придя в себя.

– Да все просто и логично. Потом спустя какое-то время, подъехала машина, грузовая ГАЗель, явно, что не скорая. Чурку погрузили на носилки и в кузов.

– Так может его в больницу повезли?

– Даже если это допустить, то зачем закрывать простыней лицо?

– Неплохо, – задумчиво произнес Шторм, – значит, он все-таки умер. Неплохо видно ему досталось. Что же, одним чуркой меньше.

Все повеселели после этой фразы. Антон стоял и растерянно улыбался. Он до сих пор, не мог осмыслить того, что некоторое время назад, принял участие в убийстве. Эта мысль витала, где-то далеко и он не хотел верить во все это. Да, безусловно, он может и хотел побить того торговца, но убивать?!

В это время, остальные, наперебой, рассказывали друг другу, кто, как бил, сколько ударов нанес. Больше всего споров, вызвал вопрос, чей же удар, был решающим. Каждый говорил, что это он ударил таджика и от его удара, он умер. Шторм подошел к Антону.

– Ну что, с боевым крещением тебя. Молодец.

– Служу России, – усмехнулся Антон, но на душе, было непонятное чувство, не дающее покоя.

– Нет, служат – по принуждению. Россия – твоя мать, а ты ее сын. Не можешь же ты, служить своей матери?

Антон покачал головой, соглашаясь со Штормом. Если честно, в этот момент, ему меньше всего хотелось говорить. Единственным, промелькнувшим на мгновение желанием, было закрыть глаза, а когда откроешь их, не увидишь всего этого. Будто этого всего не было, словно все приснилось... Но этого ему захотелось лишь на мгновение, и уже в следующую секунду, он отверг это от себя, как проявление слабости.

В это время, Шторм махнул рукой, подзывая парней, отошедших немного в сторону, подойти. Все, сбившись в кучу, окружили Антона и Шторма.

– Ну что народ, – начал Шторм, – сегодня, у нашего белого брата, было боевое крещение, которое он прошел достойно. И ничего, что ему попался обезумевший абрек. В конце концов, они все с приветом.

– Я кстати, тоже это заметил, – сказал Гранд, – какая-то дикая обезьяна, ему попалась.
– Ну ладно, – продолжил Шторм, – как у всякого новичка, прошедшего боевое крещение, у него должен быть свой позывной. Все это знают, так что поехали...

Первым вставил слово Кил.

– Я предлагаю философ, – Кил посмотрел на всех, – ну типа рассуждает много и все такое.
– А ты завидуешь, да? – Поддел его Фил.

Все засмеялись, так как знали, что для Кила, это большая тема. Если все, следовали правилу «Вначале хорошо подумай, потом делай», то Кил, предпочитал вначале сделать, а потом думать, если получится.

– И ничего я не завидую, – огрызнулся Кил, – больно надо мне.

– Кил, тебя спрашивать, только время терять. – Раздраженно сказал Шторм. – Причем здесь рассуждения? Причем здесь философ? Вот вечно у тебя, или через смех все, или серьезно пытаешься, но и в том, и в том случае, ничего умного.

– А что? Я серьезно.

– Ты? Серьезно? Ну-ну, – Шторм покачал головой, – быстрее я негром стану, чем ты серьезно что-то скажешь.

– Ну и ладно, – Кил насупил, сделав вид, что недоволен. Но в его глазах, все равно плясали веселые огоньки. – Не хотите, не надо.

– Ладно ты, прекращай делать вид, что насрал на весь мир. – Шторм вздохнул. – У кого-нибудь, есть серьезные предложения? Гранд?

– Предлагаю звать его – Скиф.

– Ты Михей?

– Предлагаю чуть-чуть иначе. Не Скиф, а Стафф.

– Хорошо. Ты Фил?

– Давайте будем называть его Студент.

– Это еще почему? – Недоуменно спросил Шторм. – Ну, я понимаю этих двоих, – он показал рукой на Гранда и Михея, – их, если сейчас спросить, почему Скиф и Стафф, они скажут, что звучит красиво и героически. Но почему Студент?

– Ну, он типа Студент, вот и будет Студент.

– Вот это поразительная логика, – воскликнул Шторм, – а ты не забыл, что я тоже студент? И ты, и все остальные. Мог бы умное, что-то предложить. Тебе нужно с братом поменьше общаться, он тебе мозги, по всей видимости, сушит.

– А чего сразу брат? – Возмутился Кил. – Я что, самый лысый что ли?

Вначале, он даже не понял, почему все засмеялись. Растерянно озираясь по сторонам, до него все-таки дошло, что он сказал. Потерев бритую голову, он вместе со всеми, рассмеялся.

– Ну, хватит ржать. Вам бы все смеяться, ничего серьезно не можете сделать. Бизон, ты что скажешь?

– А я честно сказать, даже не знаю, как малыша назвать.

– А почему малыш? – спросил Шторм.

– А что? – Опять влез в разговор Кил. – Он молодой, зеленый еще. Так что Малыш подойдет. Вы как?

– Пойдет. Нормально. – Согласились все.

– Постойте, – перебил всех Антон, – а моего мнения, кто-нибудь спросил?

– Давай. – Обратился к нему Кил. – У тебя спрашиваем. Ты согласен?

– Ну, Малыш, так Малыш. Нормально. – Улыбнулся Антон.

Все дружно зашумели, довольные исходом дела.

– Ну, теперь для нас всех, тебя зовут Малыш и никак иначе. – Шторм хлопнул его по плечу. – Теперь ты полноправный член нашей команды. Добро пожаловать в наши ряды! Слава России!

Его крик, подхватили остальные. Антон, а теперь уже Малыш, вместе со всеми, кричал «Слава России!», в опустившийся на город вечер. Его голос и голоса остальных, слились в один и даже после того, как все замолчали, эхо еще какое-то время, разносило по округе их крик.

Так для Антона – Малыша, прошло его боевое крещение и знакомство с парнями, которые боролись за свою землю. За Россию. И для них неважно было, каким способом они это делают, главное результат. Они называют себя национальными патриотами, националистами. Общество, называет их скинхедами, фашистами... Но как сказал один человек, дело вовсе не в названии...

*Патриотизм – это готовность убивать
и быть убитым по самым тривиальным причинам*

Рассел Бертран

ГЛАВА II

«УБЬЮ, КОГДА БУДУ ГОТОВ...»

Звонок мобильного телефона, разбудил Малыша. Открыв глаза и еще не придя в себя от сна, он повертел головой, пытаясь определить по звуку, где лежит телефон. «Вот черт, – подумал Малыш, – сейчас всех перебудит». И словно в ответ на свои мысли, он услышал заспанный голос матери.

– Антон, возьми телефон. Кто в такую рань может звонить?

– Сейчас мам, – откликнулся Малыш и протянул руку в сторону тумбочки. Кажется вчера, когда ложился спать, он положил его именно туда. И действительно, проведя рукой по поверхности тумбочки, он наткнулся на телефон. Схватив его, он нажал кнопку вызова и поднес его к уху.

– Да.

– Хорошо спать, – раздался в трубке, насмешливый голос Бизона, – проспидь все.

– Слушай, ты чего в такую рань звонишь? Сам не спишь, другим не даешь. – Малыш упал на подушку и закрыл глаза.

– Ты по поводу сегодняшнего мероприятия в курсе? Я еще вчера хотел тебе позвонить, сказать, да замотался и забыл совсем.

– Какое мероприятие? – Малыш чувствовал, что начинает засыпать. – Нельзя было попозже позвонить и сказать?

– Придешь и там все узнаешь. Сбор в 12 часов, во дворе, за кафе «Магнит». Смотри не опаздывай, Шторм сказал, чтобы все были как штык, ни минутой раньше, ни минутой позже.

– Ладно, буду. А теперь дай поспать.

Малыш нажал кнопку «отбой» и посмотрел на часы. Половина седьмого утра, можно было еще поспать немного. «Надеюсь, больше никому не придет в голову звонить мне, чтобы о чем-то предупредить, – подумал Малыш». Он закрыл глаза и задумался. С того самого дня, как он сошелся со Штормом и его компанией, вступил в их ряды, прошло два месяца. За это время, он привык ко многому. К виду крови, к обезображенным телам, к откровенному цинизму, которого хватало с лихвой. Теперь он сам мог спровоцировать драку и если раньше, бил только для того, чтобы причинить боль, то сейчас, как минимум для того, чтобы покалечить. В скольких акциях принял участие, сейчас уже не сосчитать. После того, самого первого таджика, жертв было несметное множество. Избили хозяина кафе «Жасмин», затем двух предпринимателей, то ли чеченцев, то ли дагестанцев, никто не разобрался и не придавал этому никакого значения. Не русский? Получай! Что случилось с жертвами их нападений, живы или умерли, если живы, то здоровы или покалечены на всю жизнь, все это Малыша не интересовало. Ему было безразлично это, тем более он понял, что если воспринимать все близко к сердцу, то будешь испытывать жалость. А ее быть не должно...

...Малыш шел по центру города. Он не знал, который сейчас час, но понимал, что опаздывает. Прогретая земля, отдавала полученное тепло и согревала воздух. В окнах зданий, отражались блики солнца, и казалось, что эти громадные, многоглазые сооружения, подмигивают ему. Малыш поднял голову и посмотрел на небо. Ни одного облачка, судя по всему, погода будет неизменчива. «Ну и хорошо, – подумал Малыш, – не очень то и хотелось, чтобы сейчас полил дождь». Кто-то задел его плечом и он, чуть было не упал.

– Извините, – сказал высокий мужчина и поспешил дальше.

– Ничего, – вдогонку ему, сказал Малыш. Сейчас, в данный момент, ничто не могло испортить его настроения и даже если бы его сбили с ног и затоптали, он наверно все равно не стал бы этому огорчаться.

Подойдя к перекрестку, Малыш взглянул на светофор. Тот весело подмигнув зеленым светом, переключился на красный. Малыш остановился у края проезжей части и повертел головой. Справа, на стоянке, метрах в пятидесяти, стоял черный джип. Возле него, о чем-то спорили с таксистом, двое нерусских. Разговор шел на повышенных тонах и их раздраженная интонация и характерный акцент, долетали до Малыша, частичными репликами. Вот нерусские, сказав что-то таксисту, залезли в джип, хлопнув дверями. Машина взревела и начала выезжать со стоянки.

Загорелся зеленый свет и Малыш, ступил на дорогу. Он уже дошел до середины дороги, когда услышал пронзительный звук сигнала. Он бил по барабанным перепонкам и казалось, разрывал мозг изнутри. Малыш повернул голову и увидел, что прямо на него, несется тот самый, черный джип. Времени, чтобы увернуться или отпрыгнуть в сторону, не было. Джип на огромной скорости, летел прямо посередине дороги и был уже близко. Малыш зажмурился. Звук непрерываемого сигнала, продолжал врезаться в каждую клетку мозга...

...Звук не прекращался. Малыш открыл глаза и подскочил на кровати. Рядом с подушкой, трезвонил будильник на мобильном телефоне. Малыш посмотрел по сторонам, оглядывая стены родного дома, словно не веря всему этому. Это был сон, всего лишь кошмарный сон и ничего более. Протянув руку, Малыш отключил будильник и взглянул на часы. Половина девятого утра. Вдохнув, он слез с кровати и потянулся. Хотелось еще немного поспать, но нужно было вставать. Размявшись, он отжался несколько раз и присел, затем, шлепая босыми ногами, дошел до ванной и принял душ. Еще вытираясь полотенцем, он почувствовал, как по квартире, разносится аромат кофе. Выйдя из ванной, он прошел на кухню. У плиты хлопотала его мама.

– Мам, привет, точнее доброе утро! – Малыш чмокнул ее в щеку и сел за стол.

– Доброе утро сынок! Кто это тебе по утрам звонит, спать не дает?

– Не обращай внимания, это Бизону не спиться, вот он и решил найти того, кто тоже спать не будет. – Улыбнувшись, Малыш налил себе в кружку кофе.

Мама покачала головой и поставила на стол яичницу и бутерброды.

– Все бы твоему Бизону, дурака валять. Когда он за голову возьмется?

– Поздно мам, за голову браться. – Малыш улыбнулся и, протянув руку, взял бутерброд. – Он такой, какой есть и ничего с этим не поделаешь.

– Что, правда, то, правда. – Она посмотрела на Малыша. – Я так понимаю, ты сейчас опять уйдешь?

– Я не поздно, мам. Постараюсь во всяком случае.

– Антош, – мама села за стол напротив него, – я тебя только об одном прошу, будь осторожней. Не лезь никуда, чтобы не пришлось, потом жалеть.

– Да я и не лезу никуда, – Малыш пожал плечами, поедая бутерброды, – а я тебе, кстати, не рассказывал, что недавно с Бизоном случилось? Он по улице шел, а тут к нему двое подошли...

– Ты с темы не уходи. Пообещай мне, что не ввяжешься ни в какую историю.

– Мам, ну я же тебе сказал, все будет хорошо. Не волнуйся.

Малыш не мог сказать своей матери, всей правды. Хоть она его во многом и поддерживала, но была против применения физической силы, а ее было, слишком много. Малыш обожал свою мать. Все время, что он помнил, она воспитывала его в строгости, но в тоже время, никогда не навязывала свою точку зрения на жизнь. Если ей что-то в сыне не нравилось, то она просто высказывала ему, свое мнение, но не более. А там, Малыш уже сам решал, как поступить в той или иной ситуации. И знал, что даже если бы он решился и рассказал ей обо

всем, что они творили, она все равно поддержала бы его, хотя многим была бы, мягко говоря, недовольна. Вот отцу, Малыш рассказал бы все, так как уже не раз, слышал от него, нелестные отзывы о приезжих.

– Знаешь Антон, – сказал он как-то сыну, когда они сидели вдвоем на диване и смотрели телевизор. По телевизору как раз показывали репортаж, о погроме торгового центра. – Правильно делает молодежь, что приезжим жизни не дает. По-другому с ними нельзя, ну не понижают они. Гнать их надо, а тех, кто сопротивляется, как в военное время – расстрел на месте. Мы даем слабину, а они садятся к нам на шею.

Но отцу, Малыш тоже ничего не рассказывал. Поддерживать поддерживает, но все равно, лучше им не знать о той, о другой жизни Малыша. Пусть они продолжают думать, что их Антон, все тот же студент, который нашел компанию друзей и проводит с ними все свое свободное время. Ходит по дискотекам, сидит в кафе, короче, прожигает свою жизнь, почем зря. Во всяком случае, они тогда волноваться меньше будут.

Малыш неспеша доел бутерброды и, помыв посуду, пошел в комнату. Мама собиралась на работу.

– Сына, будешь если уходить, оставь ключи тете Томе, от греха подальше. А то потеряешь, как уже не раз было.

– Хорошо мам, оставлю, – Малыш сел на диван и включил телевизор. По телевизору, шли какие-то мультфильмы, остальные каналы также не отличались большим разнообразием. Не найдя ничего более или менее интересного, Малыш выключил телевизор и подошел к шкафу, выбирая книгу с которой можно было скоротать время. Взяв книгу в руки, он пролистывал несколько страниц и ставил обратно на полку, не найдя ничего интересного.

– Антон, – послышался из коридора голос матери, – я ушла. Не забудь про ключи и иди закрой за мной дверь.

Малыш вышел в коридор, подождал пока мама выйдет и закрыл входную дверь. «Ну вот, – подумал он, – теперь можно и музыку нормально послушать». Подойдя к музыкальному центру, он включил его, и какое-то время шелкал кнопками, настраивая. Наконец из динамиков полились первые аккорды песни «герои РОА» в исполнении группы Коловрат. Малыш прибавил громкость и лег на диван, подложив руки под голову. Всегда, когда он слушал эту песню, внутри просыпалось ранее не знакомое, но в тоже время приятное ощущение. Ощущение того, что ты являешься потомком великих людей, сделавших для своей земли невозможное, проливших кровь для светлого будущего, его Малыша будущего. И в этот момент, больше всего хотелось, чтобы эта кровь, была пролита не зря.

Когда до времени сбора оставалось минут сорок, Малыш достал черный спортивный костюм, одел его, обулся, подошел к зеркалу, посмотрел на свое отражение, подмигнул ему и вышел из квартиры. Закрыв дверь, он позвонил в соседнюю квартиру. Открыла соседка, женщина, невероятной доброты. Малыш никогда, сколько ее помнил, не видел, чтобы она ругала кого-либо, всегда оставалась вежливой и доброй.

– Тамара Егоровна, я оставлю у вас ключи?

– Конечно Антоша, – она улыбнулась, – гулять пошел?

– Свежим воздухом дышать, – он протянул ей ключи. – Спасибо.

– Да не за что, заходи если что.

Малыш развернулся и сбежал вниз по ступенькам. Выйдя из подъезда, он направился на автобусную остановку, которая находилась недалеко от его дома. Через двадцать минут, он уже подходил к кафе «Магнит». Само кафе, располагалось в жилом, пятиэтажном доме. Обогнув здание, Малыш вошел во двор, где был намечен сбор. На лавочке, у крайнего подъезда, сидели Бизон, Михей и Кил. Недалеко от них, стояли человек тридцать, незнакомых молодых парней. Малыш подошел к лавочке.

– Здорово, что-то конкретное намечается? Что за собрание?

– Да мы и сами не знаем, – Кил протянул руку и поздоровался. – Вон, Шторм сказал Бизону обзвонить всех и предупредить о сборе. Вроде бы акция какая-то намечается, не знаю.

– А это кто такие? – Малыш кивнул в сторону стоящих неподалеку парней.

– А это уже Шторм собрал, нам в помощь. – Кил вздохнул. – Молодежь, которая хочет защищать свою землю. Отморозки – малолетки короче. Зачем он только их собрал? Думает, что сами мы не управимся?

Малыш пригляделся и действительно, никому из них, больше двадцати лет, нельзя было дать. В это время, во двор въехал микроавтобус. Развернувшись, он начал движение задним ходом и остановился возле лавочки. Двери открылись, и из автобуса вышел Шторм и остальные ребята.

– Ну, наконец-то, – негромко сказал Бизон, – заплесневешь, пока дождешься их.

Шторм подошел к лавочке.

– Парни, – махнул он рукой, стоящим неподалеку, – подходите, подходите.

Те неспеша подошли к лавочке и замерли в ожидании.

– Так, насколько я вижу, – он оглядел присутствующих, – пришли все. Это хорошо, значит, дисциплина у нас не хромает. Ну, а теперь перейдем к главному, для чего мы все здесь и собрались. Сразу за этим домом, – он показал рукой на жилой дом, – через улицу, находится небольшой торговый центр «XXI век». Торгуют всем, чем придется, начиная от дешевых духов и заканчивая плазменными телевизорами и компьютерами. Хозяева – чурки, причем самые наглые и борзые чурки, из всех, которых я видел. Торговые места, сдаются тоже в основном чуркам. Так что товара там, не на один миллион. Деньги там находятся тоже не малые, но бабки мы не трогаем, предупреждаю сразу. Если увижу или узнаю, что кто-то что-то взял, пеняйте на себя, расправа будет жестокой. Мы идем туда, вовсе не для того, чтобы брать эти грязные деньги. Мы идем туда для того, чтобы черножопые поняли, что жить им здесь не суждено, я уже не говорю про то, чтобы они здесь работали. У них не может быть заработка на нашей земле. Все поняли? – Шторм посмотрел на часы. – Начало первого, у них сейчас обед. Гостей они не ждут. Так что разнесем это место нечисти, к чертям собачьим, не оставив камня на камне.

Все одобрительно загудели. Послышались радостные крики, постепенно перерастающие в злой рокот. Толпа заводилась и нельзя было позавидовать тому, кто сейчас окажется на ее пути.

– Так, раз все поняли, – Шторм показал рукой на микроавтобус. – Вооружаемся и по команде выдвигаемся.

Он подошел к задней двери и открыл ее. Малыш подошел поближе. В багажнике лежали бейсбольные биты, обрезки арматуры, обмотанные изолентой, цепи. Все начали разбирать все это и вскоре, багажник опустел.

– Помните, действуем быстро. У нас всего две-три минуты и по истечении этого времени, нас там быть не должно. Все поняли? Если да, то выдвигаемся.

– Даешь черной крови! – Крикнул Бизон и вскинул вверх руку, в которой была зажата бейсбольная бита.

Все присутствующие, мгновенно среагировали и подхваченный крик, прокатился волной. Толпа, вытянувшись в колонну, шагом направилась со двора. Оказавшись у дороги, напротив торгового центра, четверо, что шли впереди, встали на дороге, загородив движение с обеих сторон. Остальные, перейдя на бег, ринулись через дорогу. Первые ряды мигом преодолели крыльцо и ворвались в торговый центр. Сзади напирала толпа, слышался звон разбитого стекла.

– Мочи черножопых!

Входные двери, задрожали под тяжелыми ударами и наконец, не выдержав, рухнули во внутрь. По ним тут же, подобно разбушевавшейся реке, побежала толпа, растекаясь во все стороны. Торговый центр, действительно готовился к закрытию и поэтому посетителей внутри

не было. Один из охранников, находился возле входной двери. Он так и не успел понять, что происходит. Короткий взмах арматуры и он упал на пол с пробитой головой. Эта первая пролитая кровь, только подхлестнула остальных и теперь, их уже ничто не могло остановить. Те, кто в данный момент, крушил все на своем пути, не замечали ничего, в том числе и лежащее на полу тело. На него наступали и бежали дальше. Охранник застонал и попытался перевернуться на бок, но на него тут же обрушился град ударов и он уже навсегда остался лежать на холодном кафельном полу. Из под головы, тонкой струйкой, побежала кровь.

А обезумевшая толпа, уже устремилась дальше, словно смерч, не оставляя после себя ничего уцелевшего и никого, кто мог бы оказать сопротивление. Хотя сейчас, наверно, только умалишенный мог бы попытаться остановить это безумие. Он тут же был бы сбит с ног и безжалостно забит и затоптан, десятками ног.

Витрины, прилавки, стеклянные двери – все это разлеталось под градом ударов. Продавщицы, еще не успевшие уйти домой, прятались под уцелевшими прилавками, замирали от ужаса, сверху на них сыпались осколки разбитых стекол. Вокруг стоял такой невообразимый шум, что казалось на земле твориться ад. И это самое пекло.

Из комнаты охраны, выскочили трое в униформе. Все трое, на свою беду оказались выходцами с Кавказа. Увидев дикую, обезумевшую толпу, которая двигалась прямо на них, лица их перекосились от ужаса, они попятились и попытались скрыться в комнате.

– Вон они! Вали черных!

Толпа, кинулась на них, словно бык на красную тряпку. Они даже не успели переступить порог комнаты, как их настигли страшные удары. Первый из охранников, запнувшись, упал у самого порога, загородив своим телом проход остальным. В этот момент, судьба была к ним безжалостна, твердо решив, что жизнь их на этом, закончиться. Охранники, один за другим, рухнули на пол, толпа окружила их. Уже лежа на полу, они пытались защищаться, выставив руки, но арматура и бейсбольные биты, пробивали эту защиту, ломая руки и пробивая головы. И уже через несколько секунд, все трое, лежали на полу, в луже собственной крови. Никто из них не подавал признаков жизни, но озверевшая толпа не успокаивалась, продолжая бить уже мертвые тела.

Внезапно все, словно по команде, отхлынули, оставив лежать на полу, три покалеченных тела, замерших в самых разнообразных позах, тех, в которых их настигла смерть. Все вокруг, было забрызгано кровью, проломленные головы, с обнаженным головным мозгом, изуродованные лица, вытекшие глаза и оскаленные рты, с обломками зубов. Сейчас и здесь, всем правила смерть.

Повисла тишина, которая с каждой секундой тянулась все дольше и дольше и внезапно продавщицы, спрятавшиеся под прилавками, зажавшиеся там в угол, поняли, что всё, погром прекратился. Они осторожно выглянули из-за прилавков и увидели, что в здании, никого нет. Их взору, предстал финал того ужаса, что здесь творился. Осколки стекла, смешанные с кровью, были повсюду. Ничего уцелевшего не осталось, все было разрушено. И среди всего этого хаоса, среди трупов и луж крови, слышался женский плач.

&

Следователь прокуратуры, Денис Араев, шел по коридорам Следственного Комитета. Одет он был, в серый, поношенный костюм, под мышкой держал такую же, выдавшую виды, кожаную папку. На душе было не спокойно, тревожное чувство, не покидало его. И было от чего. Его вызвал к себе начальник Следственного комитета, и это не сулило ничего хорошего. Араев догадывался, что сейчас речь пойдет об участившихся погромах в городе, об избиениях иностранных граждан. Возбуждались уголовные дела, проводилось расследование, но проходило время и было видно, что «следственная машина», стояла на месте. А жители

города, с каждым новым нападением, все больше и больше, открыто высказывались за то изгнание приезжих из города. Все это, угрожало перерасти в гражданскую войну.

Араев подошел к кабинету начальника, на секунду замер, затем постучал и, услышав разрешение войти, потянул дверь на себя.

Кабинет начальника Следственного комитета, отличался скромной обстановкой, которую не понимали его коллеги. У него не было, ни картин известных художников, висящие на стене, ни люстр, выполненных в средневековом стиле. Простые деревянные стулья, заменяли кожаные диваны и кресла. Сам начальник – Романов Иван Сергеевич, был высокого роста, подтянутый, в хорошей физической форме. На вид ему было лет тридцать пять, хотя по паспорту, через два года, ему должно было исполниться пятьдесят. Следящий за своим здоровьем, он не пил, не курил и старался к этому же приучить и своих подчиненных. Единственным минусом, среди всего этого, был его свирепый нрав. Он был скор на расправу и если кто-то из его подчиненных не справлялся со своими обязанностями, то он мог наорать на него. Если же к своим обязанностям, намеренно относились халатно, делая все спустя рукава, то тут не обходилось без применения физической силы. Нет, он не бил подчиненных, но вот оплеуху, отвесить мог, причем так, что потом еще полдня, в голове звенело.

Когда Араев вошел в кабинет, начальник стоял возле окна и смотрел на улицу.

– Разрешите, товарищ полковник? – Араев топтался на месте, не решаясь пройти дальше.

– Заходи, заходи, – полковник отошел от окна и указал на один из стульев, стоящих возле стола – присаживайся.

Араев мелкими шагами, осторожно ступая, прошел к столу и сел. Не решаясь ничего сказать, он молчал, ожидая, что полковник начнет говорить первым.

– Ну, расскажи, как продвигается дело, об избиении иностранцев? – Полковник прошел к столу и сел напротив Араева. – Что удалось выяснить?

– Иван Сергеевич, – начал было Араев, но осекся, заметив недружелюбный взгляд начальника. Тот был служакой и иначе, как по званию, обращаться к себе не разрешал. – Товарищ полковник, за последнее время, а конкретно за последние два месяца, в городе совершено, около сорока двух нападений на почве национальной ненависти. Жертвы нападений, самых разных национальностей, тяжесть нанесенных побоев, тоже разная. Есть те, кто отделался испугом, синяками и ушибами, а есть и такие, кто отправился на родину, в цинковой оболочке. Никто из выживших, не может сказать ничего конкретного. Спокойно шел, внезапно налетели, избили и также внезапно исчезли. Ни описаний, ничего конкретного.

– Хорошо, – перебил его полковник, – что по погрому торгового центра?

– Во-первых, во время погрома, пострадали четыре человека, трое из них убиты, четвертый по счастливому стечению обстоятельств, выжил, но находится в очень тяжелом состоянии и допросить его, пока не представляется возможным. Все пострадавшие, граждане сопредельных государств, проще говоря, не русские. Примечательно, что кроме убитых, в торговом центре, находились еще несколько человек, это женщины-продавцы, славянской внешности, – отметил Араев. – Но не их, не деньги, которые находились в кассах, не тронули. А это довольно таки большая сумма. Все эти факты, позволили выдвинуть две версии. Одна из них – это разборки конкурентов, но она была отвергнута практически сразу, после того, как ее начали отрабатывать. Торговый центр, находится там уже давно и всех возможных конкурентов, он вытеснил. Даже если это конкуренты, то они наверняка забрали бы деньги, находящиеся там.

– Если их только не спугнули.

– Да, действительно, если их не спугнули. – Согласился Араев. – Но вот вторая версия, то, что погром был устроен одной из неонацистских группировок, так называемых скинхедов, – Араев при этом поморщился, словно сказал, что-то неприятное, – более правдоподобна.

Полковник заметил, как скривился Араев

– Что ты морщишься? Не согласен с их идеями?

– Да я вообще не представляю, как такая мразь может ходить по земле.

– Почему это мразь? – Полковник откинулся в кресле. – Ты их не любишь, потому что сам черножопый и при случае, они бы и тебе проломили голову, вот и все. Ладно, не будем спорить, что у тебя еще?

Араев от услышанного потерял дар речи, но нашел в себе силы собраться и продолжил.

– Версия о нападении по мотивам национальной ненависти, более правдоподобна, она подтверждается свидетельскими показаниями. Те самые продавщицы, которые находились в торговом центре во время погрома, слышали крики, именно расистской направленности, а именно «мочи черных», «Россия для русских». Ущерб от погрома еще не подсчитали, но по предварительной информации, он составляет несколько миллионов рублей. Не уцелело ничего, разбито и разрушено, все, что только можно. Возникает чувство, что нападавшие хотели причинить, как можно больший ущерб. Отсюда вопрос, для чего же им это было нужно? Ответ прост, хозяин торгового центра, личность довольно известная, это Файзула Алиев, владелец сети магазинов и ночных клубов в городе, человек хоть и богатый, но разгром торгового центра, ощутимо ударит по его карману. Мало того, убиты его сотрудники, а это, наверное, сейчас, самая главная головная боль для него и положение, в котором он сейчас оказался, мягко говоря, незавидное. И знаете, я не удивлюсь, если после начнется, начнется самая настоящая бойня.

– М-да, а вот это нам сейчас совсем не нужно. – Полковник провел ладонью по голове. – Еще не хватало, чтобы в этом городе, развязалась война. В этом случае, полетят головы, в первую очередь моя. Но прежде чем ее снимут с плеч, я четвертую тебя. Значит, слушай внимательно, делай, что хочешь и как хочешь, но нужно попытаться во чтобы – то не стало, найти погромщиков, быстрее людей Алиева.

– Товарищ полковник, мы делаем все возможное, но пока это не представляется возможным. На месте погрома, не обнаружены, ни орудия преступления, ни отпечатки. Все было сделано настолько четко и слаженно, словно к этому долго, упорно готовились.

– Вы вообще, хоть что-нибудь сделали, для того, чтобы их найти?

– Определяем круг лиц, которые каким-либо образом, имеют отношение к скинхедам. Вышли на контакт с отделом по борьбе с экстремизмом, они предоставили списки тех, кто состоит в группировках. Сейчас пробиваем их по базам, будет вызывать, допрашивать. Определимся с кругом подозреваемых, установим лиц причастных к нападению и будем работать совместно с «экстремистами».

Полковник встал, вышел из-за стола и начал нервно ходить по кабинету. Араев, с беспокойным сердцем, внимательно следил за ним. В кабинете повисла тишина. Наконец полковник заговорил.

– Дело взято там, – он показал пальцем на потолок, – на контроль. Замять, спустить на тормозах, не получится, тем более, там столько трупов. Журналисты, уже не дают покоя, им нужна сенсация, и всем нужен результат, Ты читал, что они уже написали?

Полковник подошел к столу, выдвинул верхний ящик, достал оттуда газету и бросил ее на стол. Араев придвинул ее поближе. На первой полосе, большими буквами, было написано – «Фашисты атакуют, милиция бездействует. Кто нас защитит?». Быстро пробежав глазами статью, Араев отодвинул газету.

– В пух и прах нас разносят, – недовольно сморщился полковник, – и чего им не сидится спокойно? Кстати, у тебя списки этих молодчиков, которые нам коллеги предоставили, с собой?

– Так точно. – Араев достал из папки несколько листов бумаги и протянул начальнику. – Вот, пожалуйста.

Полковник взял протянутые листы и начал просматривать их.

– Так, я смотрю тут практически все их связи и контакты.

– Это те, кого удалось установить, – сказал Араев, – а сколько еще не выясненных.

– Это понятно. Если бы все было так просто, их бы уже посадили. Держи, – полковник протянул листы, – прочитай, что они там накопили.

Араев взял бумаги и начал читать.

– Ежов Роман Александрович, 1985 года рождения, кличка «Шторм», главарь одной из неонацистских бригад. Агрессивен, умен, физически развит, в экстремальных ситуациях, ведет себя хладнокровно. Имеется костяк группировки, так сказать приближенные к нему. Это Холодов Иван Андреевич, 1987 года рождения, кличка «Бизон». Вспыльчив, агрессивен. Щепкин Денис Сергеевич, 1986 года рождения, кличка «Фил». Хладнокровен, способен на неординарные поступки. Его брат, Щепкин Сергей, 1988 года рождения, кличка «Кил». Вспыльчив, неуравновешен. Батошин Михаил Александрович, 1985 года рождения, кличка «Михей». Мастер спорта по боксу, в группировке выступает за здоровый образ жизни. Гранатов Александр Юрьевич, 1987 года рождения, кличка «Гранд». По предварительной информации, занимается изготовлением взрывчатки. Бороздин Игорь Сергеевич, 1986 года рождения, кличка «Славян», ничем особо не выделяется, держится наравне со всеми. Недавно в группу пришел новый участник, всего этого беспредела. Некто, Болоннов Антон Александрович, 1986 года рождения, кличку получил «Малыш». Ежов, практически сразу взял над ним покровительство и держит постоянно рядом с собой. Все они, являются основой группировки, но по информации наших коллег, в группировке на сегодняшний день, насчитывается около 50-ти неустановленных лиц, может больше. Но то, что погром был организован с привлечением именно этих лиц, это, несомненно.

– Как это удалось выяснить?

– Жильцы дома, что напротив торгового центра, видели, что за некоторое время до погрома, в их дворе, собрались молодые люди, численностью около 30 человек. Никто этому особого значения не придал. Старичок там один, собаку выгуливал в это время и видел въезжающий во двор, микроавтобус, темного цвета, который подъехал к собравшимся, но больше он ничего не запомнил. Так что выяснить, кому принадлежит микроавтобус, невозможно.

Полковник встал из-за стола и подошел к столику, стоящему возле окна. Взял в руки графин и налил в стакан воды. Араев следил за его движениями. Молча выпив воду, полковник поставил стакан на стол, вытер губы и повернулся к Араеву.

– Вот объясни мне, может я чего-то не понимаю. Для чего ты и тебе подобные, приходите на работу? Просиживать штаны и на компьютере пасьянсы раскладывать? – Голос полковника, повышался, переходя на крик. Араев съежился, в ожидании предстоящего разноса. А полковник тем временем, разошелся не на шутку.

– Вы идиоты! – Орал он на весь кабинет. – Вас как детей малых, оставляют в дураках, а вы элементарного сделать не можете. Зачем вы вообще нужны? У вас убийцы на свободе ходят, а ты мне тут говоришь, что ничего установить не удалось. Как я должен это понимать? Ну, что ты молчишь? Объясни мне, что ты собираешься делать?

Араев испуганно, снизу вверх, смотрел на полковника.

– Мы планируем совместно с «экстремистами», вызывать всех на допрос и пока не будет результатов, не отстанем от них.

– Запомни, – полковник, подошел к креслу, где сидел Араев и наклонился над ним, – это я от тебя не отстану, пока ты не дашь мне результат. Я с тебя три шкуры спущу, пока ты не доведешь это дело до конца, и они не сядут. Запомни это.

Полковник прошел за стол и сел, закрыв лицо руками.

– Свободен! Иди, работай! – Сказал он.

Араев потихоньку встал и направился к выходу.

– Обо всем, незамедлительно докладывать мне. Обо всех продвижениях и изменениях.

– Так точно, – пролепетал Араев и выскочил из кабинета, тихонько притворив за собой дверь.

Уже в коридоре, он перевел дух и вздохнул. Постаравшись придать себе уверенный вид, он направился к себе в кабинет. «Психованный он какой-то. – Думал Араев, идя по коридору. – Нет, его можно понять, но зачем же, на подчиненных срывать? Хоть на него и давят сверху, но мне тоже сейчас, ни чуть не лучше».

Добравшись до кабинета, он вошел, бросил папку на стол и прошел к окну. На улицах города, кипела жизнь. Прохожие, как всегда, спешили по своим делам, сталкивались, сбивали друг друга с ног, извинялись и бежали дальше. Город жил своей жизнью, со своими маленькими и большими проблемами. И никому не было никакого дела, до проблем, следователя Араева.

&

Вся компания, сидела на набережной. Прохожие, которые шли мимо, приближаясь к стоящим молодым людям, сворачивали в сторону и старались обойти странную компанию стороной.

Шторм достал телефон и набрал номер.

– Малыш, ну ты где потерялся? Час уже почти прошел, как ты добираться. Только тебя одного ждем.

– Да я уже подъехал, – ответил ему Малыш. – Автобус, будь он не ладен, сломался, пришлось пересаживаться.

– Значит нужно раньше из дома выходить. Все, давай бегом.

Шторм закончил разговор, положил телефон в карман и огляделся вокруг.

– Подъехал, – сказал он остальным, – сейчас будет здесь.

Через несколько минут, показался Малыш. Он вывернул из-за здания, метрах в двухсот от того места, где сидела компания. Озираясь по сторонам, он взглядом искал Шторма и остальных. Все засвистели и замахали руками. Увидев их, Малыш направился к ним. Подойдя, он поздоровался со всеми.

– Ну, что планируем?

– Планировать раньше нужно было, – скривился в усмешке Кил, – а сейчас самое время, осуществления планов. Хотя если не у кого предложений нет, то можно пойти рейверов погонять.

– Без меня и без кого-либо – отрезал Шторм. – Давай завязывай со своими детскими шалостями. Попадешь когда-нибудь из-за ерунды, взвоешь, а уже поздно будет, никто ничего не сделает.

– А что? – Кил сделал грустное выражение лица. – Скучно же, заняться нечем, а так бы пошли, размялись.

– Я тебе по-русски сказал – завязывай. Ладно ты попадешь, хрен с тобой, а других за собой затанешь, я тебе вообще тогда голову сверну. Запомни это, а лучше запиши, а то забудешь.

Внезапно у Шторма зазвонил телефон. Он ответил и отошел в сторону.

– Тоже мне учитель нашелся, – Кил оглянулся на Шторма, не слышит ли тот его, но Шторм был занят разговором. – Я сам знаю, что можно, а что нельзя. Где это видано, – обратился он ко всем, – что рейверов, этих обезьян, бить нельзя было? Он еще это ерундой называет, а то, что эти подражатели обезьяньему образу жизни, спокойно ходят и ничего не боятся, это не ерунда?

– Кил, успокойся, – Бизон разглядывал прохожих, которые только от одного его взгляда, шарахались в сторону, – слушайся старших и будь пай-мальчиком.

– Да иди ты... – огрызнулся Кил.

– Чего? Ты кого послал? – Бизон подошел вплотную к Килу. Некоторое время, они, молча, смотрели друг другу в глаза, затем внезапно рассмеялись и Бизон толкнул Кила. Тот ответил ему тем же. Все наблюдали за этим.

– Ну как дети малые, – сказал Фил, – вроде бы сражаются за чистоту нации, а сами еще с горшков не слезли и сопли не вытерли.

– Фил, ты если завидуешь, завидуй, молча, – Бизон толкнул Кила и отошел чуть в сторону. – Имеем полное право, на небольшую прогулку в детство.

– Что-то не похоже это на прогулку. Больше смахивает на вечное поселение в яслях.

– Ой-ой-ой, посмотрите на него, – Кил хитро смотрел на брата, – тоже мне, взрослый нашелся. Давно таким стал?

– Да что с вами спорить, – махнул рукой Фил, – что в лоб, что по лбу. Что хотите, то и делайте.

Штурм, закончив разговор, подошел к ним и с интересом прислушался к их беседе.

– О чем спорим, молодые люди? Успокаивайтесь давайте, еще не хватало конфликтов между собой. Представьте только, сколько нечисти обрадуется, если мы друг друга перегрызем.

– Штурм, да что ты, в самом деле, – возмутился Бизон, – какие могут быть конфликты? Мы же шутим.

– Ну-ну, – Штурм поглядел на него, – вот с этого все и начинается. Вначале шутки, а потом? Ты мне на ногу не так наступил? Ладно, все. Я сейчас исчезну на пару часов, – обратился он ко всем, – с человеком встретиться нужно. Встречаемся здесь же, через два часа. А пока можете дурака валять, у вас это неплохо получается. Все, я ушел.

Штурм вскинул руку, развернулся и пошел прочь. Бизон глядел ему вслед.

– Опять с какой-то шишкой встреча. И как всегда после этого, очередной, грандиозный погром.

Малыш подошел к Бизону.

– А с кем у него встреча? Важный кто-то?

– Да кто его знает, – пожал плечами Бизон, – он не говорит, а я и не спрашиваю никогда. Единственное, что я подметил, это то, что после таких встреч, в спешном порядке, готовиться и проводиться какая-нибудь акция. Наверняка, кто-то дает команду на ее проведение. Ладно, не забивай себе голову. – Он повернулся к парням. – Народ, чем займемся? У нас есть два часа.

Все молчали, не зная, что предложить. Обычно в таких случаях, вся компания или дожидалась на том же месте, или шла в ближайшее кафе, где и коротала время. Но тут, все обыденные планы, нарушил Кил. Он вышел чуть вперед

– А что? Я все при своем остаюсь. Два часа есть и их как-то нужно убить. А просиживать штаны здесь или в кафе, лично у меня, нет никакого желания. Так что, айда рейверов гонять!

– Тебе сказали, забудь про это. – Голос Фила, был серьезным. – И если у тебя в голове действительно пусто, будь добр, остальных не втягивай.

– Не хочешь, не иди, – сказал ему Кил, – без тебя веселей будет. Ну что, идем?

Все нерешительно поддержали эту идею, но Кил все – таки сумел их окончательно убедить, и все выдвинулись в сторону парка, где обычно проводили свое свободное время, рейверы. Фил покачал головой.

– Ну и братец мне достался. Не сидится ему спокойно. Он чудит, а я смотри, чтобы все было в порядке. И не бросишь же... – Фил догнал компанию.

До парка дошли быстро и уже подходя ближе, Кил махнул рукой.

– Обойдем с другой стороны, там стена и нас видно не будет.

Парк представлял из себя территорию, которая занимала целый квартал. Администрация города, не найдя денег на реставрацию, отдала парк, в пользование городской молодежи, а та в свою очередь, мигом переоборудовала парк, в скейт – площадку. С одной стороны парка, возвышалась высокая, кирпичная стена. Для чего она была возведена, уже никто и не пом-

нил. Противоположенная кирпичной стене сторона, была засажена деревьями и абсолютно все, с самого начала существования парка, были убеждены в том, что загораживать их не имеет смысла. Две остальные стороны парка, были огорожены металлической сеткой. Компания направилась к кирпичной стене. Через пару минут, они подошли к углу стены, за которой и начинался парк. Кил вышел вперед.

– Слава России! Слава России! – Начал скандировать он. Все, кто шел за ним следом, подхватили.

– Слава России! Слава России! Слава России! – Вывернув из-за стены, вся компания, оказалась на территории парка. От того места, где они стояли, до центральной площадки, где и катались рейверы, было метров пятьдесят. Основной возраст, проводивших здесь свой досуг, составлял 14—16 лет, но были и постарше, 18—20 лет. Сегодня, как и в остальные дни, здесь было оживленно. Человек 20—25, одетых в широкие штаны, разноцветные футболки, с проколотыми ушами, носами и бровями, увлеченно занимались своим делом, а именно, катались на скейте.

Когда компания бритых молодых людей, вышла из укрытия и быстрым шагом, скандируя «Слава России!», направилась в сторону площадки, некоторые от неожиданности попадали со скейтов. Хотя, неожиданность, не была главной здесь. Первопричиной всему, был страх, леденящий сердце, сковывающий ноги и заставляющий не думать ни о чем, с ужасом наблюдать за происходящим. Все, кто был в тот момент в парке, прекрасно знали, кто такие скинхеды. Знали они также и о невероятной жестокости последних, когда не щадили никого, втаптывая, буквально вмятая в асфальт всех, кто попадался им под руку. Помнили случаи, когда сталкиваясь с так называемыми «бритыми», многие попадали после этого, на долгое время в больницу. Переломы рук, ног, ребер, пробитые головы, разбитые лица, многочисленные синяки и ушибы, пожалуй, это был стандартный набор травм, которыми заканчивались столкновения со скинхедами. И никто, никогда не решался дать отпор, потому что страх быть избитым, страх за свою жизнь, всегда останавливал, не давая самой идее мести развиваться.

– Слава России! Россия для русских! – Изо всех сил кричал Кил.

Все, кто еще недавно со спокойной душой катался на скейте, сейчас бросились враспынную. Хватая на ходу свои вещи, они, спотыкаясь и падая, бежали прочь. Ими руководил животный страх, который гнал их, подобно стадо антилоп, заметивших гепарда. И им было неважно, что по численности, их больше, гораздо больше. Вовсе не количество играло сейчас роль, а моральное превосходство, которое было на стороне бритых парней. Не прикасаясь к противнику, они сломали, психологически подавили его, заставляя бежать подальше от опасности.

Не успели Малыш и компания, пройти и двух десятков метров, как площадка опустела и они остались одни.

– Ну вот, – засмеялся Кил, – бояться уроды. И правильно делают. Хотя нет, могли бы хоть раз собраться и дать нам отпор, а то скучно становится.

Он прошел немного вперед, как вдруг заметил какое-то движение за одной из установленных тумб. Метнувшись туда, он за шиворот, выволок одного из скейтеров. На вид ему было лет 20, может чуть больше, одет в широкие цветные штаны и такую же футболку. На голове бандана, а поверх одета кепка, в ухе висели две серьги. Кил встряхнул его.

– Чего не убежал? – Издевательски спросил он.

– Да я, это... – начал лепетать обладатель широких штанов, размазывая слезы по лицу и с ужасом, глядя на окруживших его парней – Рюкзак я забыл, хотел забрать, смотрю, а бежать уже поздно, вы уже близко.

– Что такое не везет, и как с этим бороться. – Философски изрек Славян.

Скейтер, в руках Кила, буквально висел, ноги не держали его, каждый раз подгибаясь. Бизон, чтобы напугать его, подошел к нему поближе и, наклонившись над ухом, тихо сказал:

– Даже не рассчитывай, что он тебя отпустит. Когда сюда шли, он мечтал пролить здесь как можно больше крови, но все разбежались. Так что ты сейчас будешь за всех сразу отвечать. Знаешь, что я могу тебе посоветовать? Попроси, чтобы убили сразу, не мучали, а то он любит, чтобы жертва ногами сучила, хрипела, кровью захлебывалась. Мы сами не можем с этим маньяком справиться.

Услышав все это, скейтер взмолился.

– Отпустите меня, пожалуйста. Я вас прошу, не надо, ну отпустите. – Разрыдался он.

– Слышишь ты, обезьяна, я сейчас тебя так отпущу, – Кил чуть оттолкнул его, размахнулся и со всей силы, ударил его по зубам. Тот рухнул на землю, с разбитого носа, потекла кровь, верхняя губа, была разорвана. Не пытаясь встать, он попытался отползти назад.

– Куда ты, сука? – Взревел Кил. Сделав два шага вперед, он ногой, обутой в тяжелый ботинок, ударил отползающего скейлера по лицу. От резкого удара, голова дернулась назад, руки подогнулись и он, потеряв сознание, беззвучно распластался на земле. Все рассмеялись.

– Неплохо ты его приложил, – сказал Малыш. Он подошел к телу поближе. – Оклемается хоть?

– Да куда он денется? А вы чего стояли? – Повернулся Кил к остальным.

– Да тебе там одному мало. – Ответил ему Гранд. – Было бы их, хотя бы с десятков, тогда другое дело. А так, каждый по удару и получить, что мы его тупо, как на бойне забьем. Не интересно же.

– Ладно, хрен с ним, пойдем, – махнул рукой Кил, – здесь все равно делать уже нечего.

В это время, все увидели, как по направлению к ним, идет молодой человек. Судя по всему, он решил срезать путь и пройти через парк. Но, пожалуй, самым главным в этот момент, было то, что данный молодой человек, имел азиатские корни. Это было видно невооруженным взглядом. Правда, издали, было не видно, какой конкретно он национальности, кореец или китаец, а может кто-то другой, сейчас это никого не волновало. Стая увидела свою жертву, отличающуюся от них, цветом кожи и разрезом глаз и сейчас была готова разорвать ее на клочки.

Молодой человек, шел, опустив голову, ничего не видя перед собой и даже не догадываясь, что сейчас, он шагает навстречу своей смерти. Судя по всему, это был заплутавший студент, спешащий вернуться к себе в общежитие.

Когда до стоящей компании оставалось метров десять, он все – таки поднял голову. Вначале на его лице отразилось удивление, которое впрочем, очень быстро сменилось беспокойностью. Он увидел лежащее на земле тело и стоящих рядом, бритых молодых людей, обутых в тяжелые армейские ботинки, камуфляжные штаны и темные футболки. В институте, где он учился, им неоднократно, проводили инструктаж о технике безопасности и правилах поведения на улице. Особое внимание, уделялось именно нападениям на иностранных граждан. Рассказывали о тех, кто совершает эти нападения, кажется, их называли скинхеды. И вот сейчас те, о ком ему рассказывали, стояли перед ним, устремив на него, тяжелые, полные горячей ненависти, взгляды. Студент, по инерции сделал еще несколько шагов вперед, остановился и когда, наконец, осознав, что происходит, он развернулся и побежал назад.

– Стоять! – Заорал Кил и бросился за ним вдогонку. Остальные побежали следом, стараясь каждый, настичь жертву первым. Негласное соревнование, когда первый нанесший удар и сбивший жертву с ног, повышал свой статус. Каждый старался повысить свой авторитет, сделать что-то такое, что возвысит его в глазах других.

Студент бежал изо всех сил, выкладываясь полностью, но он не привык бегать, в отличии от своих преследователей, которым было не привыкать догонять и убежать. Кил настиг азиата, в самом конце парка. На бегу подпрыгнув, он ногой ударил убегающего в спину. Тот, получив удар, споткнулся и, не останавливаясь, упал на землю. Еще не оправившись после падения, он попытался встать на ноги.

– А-а-а, тварь косоглазая, убежать вздумал? – Кил ударил его ногой по лицу. Удар был такой силы, что тело азиата, дернулось вверх, приподнялось над землей и, развернувшись в воздухе, рухнуло на землю. Раздался крик боли и ужаса, крик который исходит от обреченного, крик бессилия. Кил подпрыгнул и двумя ногами, приземлился на лицо жертвы, сминая под грубой, рифленой подошвой, все то, что еще недавно было лицом.

В этот момент, подбежали остальные и на лежащего на земле, обрушился град ударов. Каждый бил куда придется, главное посильней, чтобы было больно. Тело, голова, неважно, самое главное чтобы жертва испытала адскую боль. Азиат, еще первое время пытался закрыться от ударов, но силы очень быстро покидали его и он, прикрыв только голову, громко кричал.

– Да заткнись ты урод! – Закричал Бизон и прыгнул на лежащее тело. Даже среди всего этого шума, был четко слышен, неприятный хруст ломаемых ребер. У человека на земле, не осталось теперь сил, даже кричать. Да и о каком крике, может идти речь, если каждый вздох теперь, отзывался резкой, невыносимой болью в груди. Теперь он, ощущая каждый удар по телу, мечтал только об одном, чтобы это, как можно быстрее закончилось и не важно каким образом, останется он жив, или умрет. Лишь бы все они исчезли, только бы все закончилось...

Малыш, ударив несколько раз по лежащему телу, отошел в сторону, наблюдая за всеми. К остальным подскочил Кил и начал расталкивать всех. Когда все отошли, не понимая, что происходит, Кил наклонился к еще живому, стонавшему студенту.

– Живой что ли? – Спросил он у него. – Ничего, я тебе сейчас помогу, облегчу твои страдания.

Он перевернул его на живот и достал из кармана нож. И прежде чем кто-либо успел что-то сказать, Кил схватил азиата за волосы, дернул голову назад и резким движением руки, перерезал ему горло. Азиат задергался, захрипел, из разрезанного горла, изо рта, фонтанируя, хлынула кровь. Стонать он прекратил, и теперь звуки, лишь отдаленно напоминавшие стон, с неприятным бульканьем, вырывались из страшной, зияющей раны. Руки и ноги, еще какое-то время, конвульсивно дергались, но вскоре, жертва затихла. Вытекающая кровь, на теле была красной, но попадая на землю, становилась черной. Она текла все тише и тише, иссякая и лишая тело жизни.

Все вокруг притихли, наблюдая за предсмертной агонией студента. Шок, вызванный произошедшим, привел за собой могильную тишину. Наконец все потихоньку начали выходить из ступора. К Килу подбежал Фил, выхватил у него из рук нож и толкнул брата в сторону.

– Ты чего наделал, идиот? Ты что, совсем с ума сошел?

– Да Кил, – нерешительно вставил Бизон, – на хрена ты его завалил?

– Хорош орать, – Кил с невозмутимым видом стоял рядом с телом убитого. – Что вы как размазни? В конце концов, так ему и надо. Россия для русских!

Фил покрутил пальцем у виска и покачал головой.

– Ты больной, вот что я тебе скажу. Голову включи и подумай, зачем нам этот труп? Опять шумиха поднимется, а нам сейчас наоборот нужно быть тише воды, ниже травы.

– Кто это такое сказал? А может я не собираюсь сидеть сложа руки? – Кил посмотрел на брата, потом перевел взгляд на остальных. – Если хотите, можете, ничего не делать. Сидите себе спокойно, только вот что скажу вам, вы, так и будете бояться и дрожать от каждого шороха. Но это не по мне, я так жить не хочу.

– Ладно, потом разберемся, – Фил вытер нож носовым платком и убрал его в карман. – Уходить нужно, пока нас никто не видел.

– Не-а, никуда мы сейчас не пойдем. – Кил усмехнулся. – Ты забыл кое-что. Или точнее кое-кого.

Он показал рукой, на лежащего без сознания скейтера.

– Придет в себя и все. Нас он видел, а это значит, что у ментов, будут наши описания, а это значит, что поедем мы на нары. Не думаю, что кому-то охота в тюрьму. Ведь так парни?

Фил остановился и ошарашено посмотрел сначала на Кила, затем на лежащего на земле скейтера. Сознание отказывалось принимать мысль об убийстве, но между тем, он понимал, что Кил прав. Никакими уговорами и убеждениями, они не заставят этого парня молчать. А он действительно, все расскажет ментам и день, максимум два и их закроют. Оставался лишь один выход, но Фил, не мог пойти на это.

– Никто тебя или кого-то еще, не заставляет, – Кил протянул руку, – давай, я сам все сделаю.

Фил в нерешительности стоял, не зная, что делать, как поступить.

– Не тяни время, – сказал ему Кил, – у нас его и так совсем нет.

В душе Филя, все перевернулось, он знал, что сейчас, он поступает не так, как на самом деле, должен, но он достал из кармана нож и протянул его Килу. Тот взял его и не слова не говоря, подошел к лежащему на земле скейтеру. Присев, он коленом надавил ему на грудь. Короткий взмах и нож, вонзился в горло, распоров артерию. Парень дернулся, но колено, давившее на грудь, мешало ему встать. Для верности, Кил еще несколько раз ударил его ножом и лишь после того, как лежащий под ним затих, он встал.

– Ну вот, а вы боялись, – он довольно улыбнулся, – теперь все будет отлично, это я вам обещаю. Надо уходить отсюда, а то мы тут задержались, по-моему.

Он пошел прочь. Остальные, оглядываясь на лежащие тела, пошли за ним, один лишь Малыш, остался стоять на месте.

– Малыш, – окликнул его Бизон, – пошли отсюда.

Малыш не ответил ему.

– Твою мать, – заорал Бизон. У него у самого сдавали нервы. – Сваливаем отсюда. Какого хрена ты там встал?

Он пошел к Малышу и толкнул его.

– Ты вообще оглох? Уходим.

– А? Что? – Очнулся Малыш. – Да-да, пошли.

Они бегом догнали остальных, и зашли за стену, из-за которой, несколько минут назад, вышли.

– Стойте. – Кил, шедший впереди, остановился. – Нам разойтись нужно, глупо возвращаться и спокойно сидеть на одном месте. Сейчас этих обнаружат, – он кивнул головой в сторону парка, – шум поднимется, так что нам лучше не мелькать здесь.

– Что ты предлагаешь? – Фил мрачно посмотрел на него. Остальные окружили их двоих.

– Разойдемся, каждый, кто куда. Неважно, домой, в гости или еще куда, главное отсюда подальше.

– Нас же Шторм будет ждать. – Малыш огляделся. – Нужно хотя бы предупредить его, иначе мы его подставим.

Кил задумался, но по его выражению лица, было понятно, что особого желания идти куда-то, предупредить кого-то, у него не было. Единственное его желание – уйти отсюда и как можно дальше.

– Не пойдем же мы всей толпой, его предупреждать. – Сказал он через мгновение. – Вот ты и пойдешь. А мы пока, разойдемся.

– Бежишь, да? А как же твоя идея? Земля же твоя, ты же хозяин. И бежишь прочь? – Фил смотрел брату в глаза. – Зачем тебе нужно было все это? Зачем было их убивать?

– Прекращай истерить, братец, – Кил с усмешкой посмотрел на него, – ты в последнее время, как размазня стал, я тебя прямо не узнаю. Не задавай глупых вопросов, ответ ты и так знаешь.

– Да ты больной, ты это понимаешь? – Закричал Фил. – Ты хоть понимаешь, что сейчас сделал?

– Я убил тех, кто не с нами. Ты сам знаешь, тот, кто не с нами, тот, против нас.

В разговор вмешался Бизон, стоящий до этого рядом и слушавший их разговор.

– Фил, друг, но он же прав. Что еще делать с этим узкоглазым? А так, хоть одним, но меньше. А этот малолетка, ну что же, он сам виноват. В данной ситуации, нам свидетели не нужны.

– Вы что все рехнулись здесь? – Фил ошарашено оглядел всех. – Вы, по-моему, многого не понимаете и в этом ваша главная проблема. Ладно он с головой с детства не дружит, но вы? С вами что?

– Ладно, хорош трепаться, завязывай со своими нравоучениями, – сказал Кил, – и так все понятно. Нужно расходиться, а ты Малыш, иди и предупреди Шторма, да и уходите оттуда сразу.

Все пошли в противоположенную сторону от парка, Малыш же, остался стоять на месте. Он взглядом проводил всех, видел, как они все вместе прошли квартал, а потом направились в разные стороны. Малыш вздохнул и посмотрел на стену, окружавшую парк. Совсем недавно, буквально несколько минут назад, там произошло убийство. Хотя нет, это было не убийство, а вполне естественное уничтожение врагов. Перед его глазами, вновь возникло хрипящее тело азиатского студента, дергающееся в конвульсиях, булькающая кровь, которая фонтаном, вырывалась из перерезанного горла. Малыш содрогнулся от всего этого, он не привык к таким зрелищам. «Да, конечно, – рассуждал он, медленно идя к месту встречи, – можно бить, избивать, даже калечить, в конце концов. Но убивать – то, для чего? С какой целью? Или может просто дело во мне? Слишком уж я мягкотелый и не понимаю многого? Ведь Шторм предупреждал, что будет трудно, что моя жизнь измениться, что пора выходить из детства и быть взрослым. Вот она, осознанная жизнь и ею нужно жить, а не бежать от нее».

Он дошел до места встречи, но Шторма еще не было, что не удивительно, до времени встречи оставалось еще полчаса. Малыш сел на парапет и стал разглядывать прохожих. Никто из них и не догадывался, что произошло. Да и откуда они могли это узнать? Малышу показалось, что все смотрят на него, как-то странно, с каким-то ужасом. «Может в крови испачкался? – Подумал он». Соскочив с парапета, стал вертеться, оглядывая себя со всех сторон. Крови нигде не было видно.

– Что, в модели собрался? – Послышался насмешливый голос. – Вертишься как на подиуме.

Малыш резко обернулся и поднял голову. Перед ним стоял Шторм и улыбался, прищурив глаза.

– Да я, это... – растерялся Малыш, – смотрел просто.

– Ага, типа сам себе понравился и все такое, – Шторм внимательно смотрел на него. – Рассказывай, что опять натворили?

Малыш испуганно взглянул на него. «Может на мне действительно кровь, и он это заметил? – подумал Малыш и украдкой посмотрел на свою обувь и штаны.

– Так и будешь на себя любоваться? – Судя по голосу, Шторм начинал сердиться. – Говори, что произошло?

– Да с чего ты, в конце концов, взял, что что-то случилось?

– Слушай Малыш, ты не думай, что если я всю сознательную жизнь дерусь, то мне все мозги отбили. Я не такой дурак, как ты считаешь.

– Мы скейтеров решили погонять немного. – Малыш понимал, что сказанное им сейчас, мягко говоря, Шторму не понравится. Но как не странно, но тот, был спокоен.

– Я так понимаю, – сказал он, – это Кил всех подбил? И вы пошли?

– Да. Пошли. Но не в этом дело. Мы их толком даже не трогали, они убежали, как только нас увидели. После этого, там какой-то азиат шел, то ли студент, то ли еще кто, неважно. Мы его помяли немного и...

– Что и...? – Только сейчас, голос Шторма, не предвещал ничего хорошего. – Что вы сделали?

– Ну, вообще, – Малыш заговорил шепотом, – Кил ему горло перерезал. Там еще сопляк, скейтер какой-то был, он и его, чтобы свидетелей не оставлять.

Шторм сел на корточки, облокотившись спиной о парапет, и закрыл глаза. Малыш, молча, смотрел на него, переминаясь с ноги на ногу.

– Рома, что с тобой? Тебе плохо?

Шторм открыл глаза и посмотрел на Малыша снизу вверх.

– Нормально, если это можно так назвать. Ты мне только одно объясни, почему, когда стараешься сделать как лучше, всем на это наплевать? Каждый считает, что он прав, что ему лучше знать.

Малыш пожал плечами, не зная, что ответить на это.

– Я же им сколько раз объяснял, что никаких радикальных действий, без моего разрешения, тем более в дневное время, да еще по такой мелочи. Это же все не игра, не на один день. Это жизнь и такими действиями, они ставят под удар не только свою жизнь, но и жизнь остальных. А-а-а, – махнул рукой Шторм и встал, – что об этом говорить, они считают себя, умнее всех. Их ждет горькое разочарование. Пойдем, нечего лишний раз маячить перед глазами прохожих, тем более после того, что вы там натворили. А с Килом, я поговорю и на этот раз, хорошо поговорю, так, чтобы он запомнил и надолго.

Они пошли по набережной, вдоль парапета.

– Слушай Ром, можно вопрос?

– Давай.

– Как ты догадался, что что-то произошло?

Шторм усмехнулся.

Да ты бы свое лицо видел в этот момент, на нем все написано было. А если честно, то я себя таким же, как ты, помню. Тоже, когда на моих глазах, первый раз чурку какого-то зарезали, мне казалось, что я весь в крови испачкался. Так же, как и ты, вертелся испуганно, осматривая себя. Увидел тебя сейчас, вот и вспомнил...

Они прошли квартал, свернули с набережной и побрели по улице.

– Малыш, слушай, ты хоть с нами и не так давно, но знаешь, я почему-то тебе доверяю. Доверяю даже больше, чем им остальным. Ты упрямый, целеустремленный, для тебя все это, действительно идея, дело чести, а не пустые слова и развлечение, как для остальных.

Шторм замолчал, Малыш шел рядом и не проронив, ни слова. Они остановились посередине тротуара. Прохожих на улице не было, так что они, да и им, никто не мешал.

– Не буду ходить вокруг, да около. Вообще, я тут с человеком встретился, переговорил с ним, – Шторм вновь замолчал, видимо не решаясь продолжить. – Короче, у нас, по-моему, завелся стукач. И единственное, что я могу сказать точно, он из тех, с кем ты и я, встречаемся каждый день.

– Ты хочешь сказать... – перебил его Малыш.

– Да, именно. Других вариантов просто нет. Уходит именно та информация, которую знают, Бизон, Кил и Фил, Славян, Михей, Гранд, ты и я.

– Я поверить не могу в это. Чтобы парни, работали на ментов?

– Я и сам в это поверить не могу. Кроме как на ментов, ему больше работать не на кого. Но если бы это было так, то нас уже приняли бы на одной из акций. А здесь по другому получается. Тщательно готовится акция, информация, дальше нашего круга, не уходит, но за несколько дней до акции или в тот, же день, все срывается. Из-за какой-нибудь мелочи.

Жертва, например, вопреки своим привычкам, меняет что-нибудь, в привычном графике. Что-то такое, что полностью рушит всю подготовленную акцию. И самое странное, что менять что-то, у него причин нет. Вот такие дела и самое плохое, это то, что все становится систематическим. Кто-то нацелено срывает нам все акции. С каждым разом все наглее и уверенней.

– Ром, но как мы его искать будем?

– Не знаю Антоха. Но найти его нужно и как можно скорее, пока не поздно. Чует мое сердце, что-то должно случиться...

*Лучше сражаться среди немногих хороших людей
против множества дурных,
чем среди множества дурных против немногих хороших.*

Аристотель

ГЛАВА III

«СУДЬБА НЕПРЕКЛОННА»

На столе лежал блокнот, открытый ровно посередине. Одна из страниц, видимо перевернутая мгновение назад, зависла в вертикальном положении, но затем, словно нехотя, перевернулась на другую половину. Обе стороны страницы, как и многие другие, были исписаны мелким почерком. Фамилии, адреса, время и даты, все это, говорило о том, что хозяин данной вещи, постоянно контактирует с различными людьми.

Следователь по особо важным делам Араев, сидел за своим столом, закинув руки за голову и глядя в потолок. Он пытался собрать свои мысли воедино, придумать план дальнейших действий по делу. Ему хотелось найти, ту самую пресловутую ниточку, потянув за которую, можно было распутать весь запутанный клубок дела. Но с чего начинать поиск этой ниточки, Араев не знал, и никаких мыслей по этому поводу не было.

Он еще раз взглянул на страницу блокнота, на которой были выписаны все, кто, так или иначе, имел отношение к делу. Все из них, были допрошены, некоторые даже по несколько раз. Свидетели, проходящие по делу, не могли ничего толком сказать, подозреваемые, молчали и стояли на своем, мол, ничего не видели и не слышали. Еще в самом начале, когда Араев только взялся за это дело, ему казалось, что не пройдет и месяца, а обвинение будет выдвинуто, затем так же быстро, все материалы передадут в суд, после чего последует справедливый приговор и дело сдадут в архив, а он может рассчитывать на повышение. Но все оказалось не так просто. Когда начались первые допросы, Араев понял, что ему не то, что повышения, ему обвиняемых не видать, как своих ушей. Дело одним большим, мертвым грузом, повисло на его шее, не давая покоя. И как бы этого не хотелось, Араев понимал, что работу придется начинать с начала, но теперь уже более скрупулезно и тщательно. Проверять все показания, обратить внимание даже на малейшие нестыковки, чтобы в дальнейшем было на что опираться.

Араев взял ручку и на чистом листе в блокноте, выписал всех, кого нужно было повторно допросить в первую очередь. Список был небольшим и при хорошем стечении обстоятельств, можно было управиться за один день. Но обязательно, нашлись обстоятельства, которые надолго бы затянули работу. Свидетели начнут опаздывать, или не являться вовсе, как это часто бывает. Начальство потребует немедленного отчета, и не докажешь, что ты занят, и занят именно рабочими вопросами. На этот аргумент, всегда одно и то же утверждение, что все сотрудники ленивые и не хотят работать.

Араев задумавшись, постукивал ручкой по столу, когда в дверь постучали.

– Да-да, войдите, – он отодвинул листок от себя, затем спохватившись, убрал его в ящик стола.

Дверь распахнулась, и на пороге застыл высокий молодой человек, одетый в черный костюм. Его можно было принять и за предпринимателя среднего звена, и менеджера какой-нибудь фирмы и только угрюмый, колючий взгляд, да огромные, разбитые кулаки, говорили о том, что к бизнес прослойке, этот человек не принадлежал.

– Проходи Ежов, – Араев указал рукой на стул, – присаживайся.

Шторм внимательно оглядел кабинет, словно ища подвоха, затем только прошел к стулу и сел.

– Я вызвал тебя для того, чтобы побеседовать. Ты наверно догадываешься, о чем пойдет речь?

Шторм недоуменно пожал плечами.

– Откуда я могу знать, о чем вы хотите поговорить? Вопрос скорее в другом, хочу ли я с вами разговаривать?

– Если бы не хотел, то и не пришел бы, правильно?

– Попробуй не приходи, – усмехнулся Штурм, – вы же насильно привезете сюда в эти стены и разговор, все равно состоится. Так что я лучше сам приду, да и интересно узнать, чего же вы хотите от меня.

– Значит, ты не догадываешься о теме нашего разговора? Ну что же, предположим, я тебе поверю. А разговор у нас пойдет о погроме в торговом центре «XXI век». Только не делай вид, что первый раз об этом слышишь, – сказал Араев, заметив ухмылку, промелькнувшую на лице Штурма, – я прекрасно знаю, что погром организовал ты со своими ребятами. Что ты на это скажешь?

– Товарищ следователь, я действительно не могу понять причину, по которой вы, приписываете погром мне. Да, не отрицаю, про погром я знаю, прочитал в газете. Очень сочувствую пострадавшим и хотелось бы, чтобы вы, поскорее поймали этих негодяев. Чтобы, в конце концов, город зажил спокойной, тихой, умиротворенной жизнью.

Араев внезапно ударил кулаком по столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.